

Сказки Горного клана

Сказки Птички-Вьюрка (35176)

«Тень от дерева и зверёк в его корнях»

Может выйти так, что ты взглянешь на ваши совместные воспоминания по-другому позже, а времени уже не вернуть. Тёплые дни прошедших лун покидают нас довольно стремительно, уж лучше успеть ими насладиться.

В один замечательный день, поздней весной, в будущее охотники посвятился котёнок с именем Кролик, Навостривший Белоснежные Ушки. Характером малыш отличался ярким, боролся с несправедливостью и презирал тех, кто, как считал, находился в тени.

Иронично, что наставлять его стал охотник с именем Тень. Тень, Укрывшая Зверушку В Жаркий День имел среди котят гурную репутацию, а слухи не опровергал, возможно, считая их забавными. Только улыбался и хмыкал, отворачиваясь, когда котятки вновь шушукались о том, что он, наверняка, отдаст их на растерзание орлу, если узнает... не важно, что.

Никогда не существовало доказательств поступкам, которые приписывали Тени, но его мрачный образ и тёмный окрас давали отличную почву фантазии малюток. Соответственно, когда Кролик столкнулся со злейшим врагом из своих снов о геройствах, разве мог он не верить слухам?

Кролик всеми усилиями показательно избегал встреч и разговоров с наставником. Вне лагеря — сливался с камнями и маскировал запах, когда замечал его или знал, что Тень его ищет. Казалось, он обучает сам себя, и этим выражает протест негодяю.

Долгие три луны, жаркие и солнечные, будущий охотник развивал свои умения, играл в прятки с наставником, совершенствуясь ради победы над ним.

В его глазах, над злом и тьмой, которую Тень, разумеется, воплощал. Охотник, должен отметить, принял установленные правила и не настаивал на иных. Ни до, ни после посвящения белоснежного будущего, они не перекинулись и словом. За все, уже минувшие, три луны.

Однажды Кролик совершенно обыденно рассказывал о своём очередном, кхе, акте борьбы со злом своему дедушке. Тот уже несколько лун как был старейшиной и носил имя Ласковый Ветерок, Играющий Листьями Одинокого Дерева. Белоснежный котик любил проводить с ним время, поэтому старый кот выслушивал его приключения не в первый раз.

И раньше Ласковый Ветерок слушал его почти молча, только кивал, наблюдая с умилением. Сегодня вдруг тихо посмеялся, прикрывая усталые серые глаза. И заметил:

— Вы так похожи, два упрямца, — проскрипел тихий голос, и Кролик удивлённо раскрыл глаза, не веря услышанному. — Как сейчас помню, тоже не хотел со мной разговаривать, считал, что и сам уже всё знает, прятался...

Гордость не позволила Кролику признать и согласиться сразу, что на самом деле вся их игра была подходом, который выбрал Тень, и что таким образом он уже научил своего будущего многому. Кролику и правда не было равных в умении маскироваться среди скал.

Не хватило гордости и на то, чтобы сразу признать, что Тень на самом деле ни капли не соответствовал укоренившимся в его разуме представлениям.

Но через пару дней, когда усталое солнце клонилось за горизонт и в воздухе уже ощущалась подступающая осенняя прохлада, на каменном карнизе Кролик и Тень сидели вдвоём. Объёмный тёмный хвост согревал бок короткошёрстного будущего, а тот потерянно смотрел перед собой, но не собирался отодвигаться.

Ласкового Ветерка не стало ещё утром. И провожали его эти двое вместе, как и хотел бы старейшина того, обсуждая прошедшие дни каждый со своей стороны. Тень старался поднять настроение будущему и шутил, а Кролик пусть и заявлял, что шутки его не смешные и совсем не к месту, — не мог сдержать произвольные смешки.

«Начало цветения»

У каждого из нас был самый разный опыт как в обучении, так и в общении. У меня тоже было и есть множество знакомых, я когда-то обучал будущих и сейчас с удовольствием обучаю котят.

Для серого котёнка, которого за оттенок глаз называли Нераскрывшимся Бутоном Шиповника, процесс знакомства с каждым новым соклановцем был той ещё головной болью. Будучи весьма стеснительным, он предпочёл бы и вовсе всю жизнь прожить под слоем перьев в подстилке.

Единственным, кому удалось завоевать хрупкое доверие котёнка, стал охотник с именем Кролик. Ещё не став воспитателем, он пару раз совершенно случайно оградил Нераскрывшийся Бутон от нежелательных разговоров, и малютка быстро смекнул, к кому безопасно было бы примкнуть.

В один совершенно обычный день, такой же серый и прохладный, как оттенок шёрстки нашего героя, Нераскрывшийся Бутон буднично прятался за хвостом своего воспитателя от соседей по детской. Кролик, освободившись из плена собственной задумчивости, перевёл взгляд на котёнка.

Будто почувствовав на себе взгляд, Нераскрывшийся Бутон поднял голову на воспитателя. Тут же считав ещё не озвученный вопрос о том, не хочет ли он поиграть со сверстниками, котёнок быстро покачал головой и прижался ближе к боку воспитателя.

На его беду, белоснежная шерсть Кролика была всё такой же короткой и гладкой, а тонкий хвост был не слишком подходящей защитой. Но малютка всё равно доверял ему, потому не искал другого укрытия.

Примерно так проходил каждый их совместный день. Кролик появлялся в детской так рано, как мог, чтобы котёнок перебрался к его боку и спрятался. Уходил от него только на охоту и снова возвращался, всё-таки предлагая занять себя чем-то интересным в его отсутствие.

В один из таких совершенно обычных дней, Кролик, вернувшись с охоты, остановился на входе в детскую. Непривычная картина, от которой мгновенно потеплело на душе, предстала его взору:

Пусть неловко и тревожно, но вместе с другим котёнком Нераскрывшийся Бутон увлечённо подкидывал и ловил пёрышко, присоединившись к чужой игре. Кролик усмехнулся в усы, после направляясь к привычному месту тише, чем обычно, чтобы не спугнуть азарт воспитанника.

Но стоило Кролику устало опуститься на любимую подстилку, как на периферии зрения мелькнуло что-то тёмное, и охотник по привычке

подскочил. Как следствие, упёрся взглядом в совершенно самовольного Тень, как всегда явившегося из ниоткуда и уже устроившегося на другой половине подстилки.

— Твои уговоры наконец дали плоды? — поинтересовался охотник с тёмной шерстью, зевая во всю пасть, когда его бывший ученик снова улёгся рядом.

— Это ты меня терпению научил, — показательно раздражённо вздохнув, буркнул в ответ Кролик, отворачиваясь от Тени. Тот в ответ непонимающе нахмурился: конечно, он учил его выжидать дичь, но, кажется, сейчас белоснежный кот говорит о другом.

— Что? — поворачивается наконец к Тени гладкошёрстный кот, заглядывая прямо в бездонные глаза кота напротив. — Думаешь, легко тебя терпеть?

В следующие пару секунд Нераскрывшийся Бутон ненадолго отвлекается от игры на хохот, слышимый от места, где обычно находится его воспитатель. И наблюдает, как, уже взрослый и имеющий на то право, Кролик в раздражении шикает на Тень, хлопая того хвостом по носу.

«Солнце и Луна»

Я хочу рассказать вам историю, случившуюся много лун назад в месте настолько далёком, что пусть тот клан и похож на наш, встретиться с его котами уже не представляется возможным.

Может, их уже нет вовсе, может и есть — условия, в которые поставила их беспечность двух светил, которым они доверяли как мы Хранителю Гор, стали для них жестоким и незаслуженным испытанием.

Первое светило — Солнце. Старшая сестра, Джуа. Верилось, что именно она больше всего заботилась о котах того клана: в пору Вольной Воды украшала земли разнообразием трав и цветов, наполняла уголья дичью.

В сезон Листопада — наряжала деревья в яркие цвета, чтобы радовали глаз, а в сезон Зелёных Листьев ласково согревала шёрстки клановых котов теплом солнца.

Есть и младшая сестра: Луна, Мвезу. Она не умеет того же, что делает Джуа, но исправно и старательно зажигает огни-звёзды в небе каждую ночь, а в пору Замёрзшей Воды заботливо даёт земле отдохнуть от забав старшей сестрички.

Единственное, что роднило их — характер. Их эмоциональность и решительность, толкающая их на необдуманные поступки. И упрямство, достойная двух светил как божеств.

Коты клана, между тем, больше любили Джуа и слегка побаивались Мвезу.

Первая всегда на виду, столько всего делает, даже звёздочки, созданные младшей сестрой, поначалу считались её творением, что особенно не понравилось Мвезу. Почему же её должны бояться, если старшая сестра попросту не оставила ей места сиять? Если всё что осталось ей делать, это нагонять холода в нелюбимую зиму и создавать огни в темноте?

Конечно, Джуа замечательная! Джуа самая лучшая, самая добрая, самая заботливая! Конечно, Джуа самая-самая, с условием что соперников у неё нет вовсе.

Так решила Мвезу, и однажды посреди тёплого и спокойного сезона Зелёных Листьев разыгралась страшная метель. То был день праздника в честь её сестры.

Тогда многие коты клана потеряли своих родных: кто-то потерялся в общей панике и не нашёлся больше, кого-то похоронили под собой толщью снега, кто-то впоследствии сильно заболел и не справился. Было ли до этого дело тем двоим? Увы, Мвезу была увлечена обидой на старшую сестру, а Джуа — обидой и гневом на младшую, за испорченное Лето и праздник.

Никто из них не собирался отступать, а снег продолжал укрывать земли, убивая так заботливо созданные Джуа травы и цветы, прогоняя дичь.

К моменту, когда обе сестры стали сомневаться в своих решениях, всё уже стало непоправимым. Разумеется, без совместной работы: если бы Мвезу переступила через гордость и позволила бы Джуа помочь тем, что старшая сестра умеет, земли клана быстро ожили бы.

Но история, как известно, не знает, что такое «если бы», потому здесь Мвезу продолжала гордо стоять на своём.

В один день через себя, измучившись совестью, решила переступить Джуа, пришла к сестре. Не просить прощения, но постараться оставить ссору позади и поговорить. Мвезу тоже было совестно, но стоило ей увидеть сестру, как она снова вспомнила о том, как жила долгие луны в её тени.

Как её сияние было настолько ослепительно, что за ним никогда не было видно того, что старательно делала для котов клана её младшая сестра.

И обида младшей сестры разыгралась с новой силой, а Джуа между тем вновь преисполнилась гневом: подумать только, Она, которой испортили лето и праздник, первая пришла разговаривать, и что получила взамен?

«Слышать тебя не хочу больше», — решила Джуа, и самостоятельно лишила себя слуха.

«Видеть тебя не хочу больше», — решила Мвезу, и самостоятельно лишила себя зрения.

Теперь, когда Мвезу звала сестру, чтобы извиниться, Джуа не могла её услышать. А когда Джуа сама искала встречи, тоже чтобы извиниться, Мвезу не могла её заметить.

И стало так, и продолжилась вечная, жестокая и холодная зима.

«Первый снег»

Предыдущая история повествовала о двух сёстрах-божествах, Мвезу и Джуа. Тогда я упомянул, как тяжело пришлось их народу во время и после их ссоры, но не вдавался в подробности. Хотите знать их или нет, а я всё равно расскажу.

Чтобы освежить вашу память, я повторю: в день, когда проводился праздник в честь лета, как творения старшей сестры, и её самой, младшей сестре наконец хватило смелости проявить себя и показать негодование по поводу всеобщей слишком сильной любви к Солнцу.

Очевидно, будучи божествами, они не слишком задумывались о том, что их ссора сильно повлияет на живущий там народ.

Забавно, в то самое Лето многие в клане ощущали, что оно будет особенным. Новоиспечённая кормилица по имени Веточка радовалась, что её котята родились в тёплый сезон: так у них будет больше возможности хорошенько окрепнуть к холодам.

Отец семейства, страж по имени Туман, летал будто на крыльях, метаясь от границы к пещере по несколько раз на день.

Юный охотник Кречет обзавёлся своим первым учеником, и теперь непоседа-Гроза не давала ему спокойно спать по ночам. Стражница

Синева буднично наблюдала за страданиями своего товарища, Змеи-Гремучки, который всё никак не мог разобраться со своими чувствами к внушительного вида и характера охотнику, но в очередной раз обещал, что решит всё в эту луну.

С самого утра в тот день небо было серым. Коты клана шутили, что Джуа решила дать себе выходной и как следует выспаться, чтобы предстать на празднике во всей красе. Будущая охотница Гроза вытащила своего наставника на прогулку пораньше, и теперь весело скакала впереди, пока Кречет сонно плёлся следом.

Охотник сладко зевнул, едва переставляя лапы. Что-то холодное коснулось его уха, и Кречет просто качнул головой. Подумаешь, дождь, не удивительно — ещё с рассвета пасмурно и душно.

Охотник поднял взгляд, реагируя на воодушевлённый визг со стороны ученицы: чёрная, как грозовая туча, маленькая охотница ловко подпрыгнула вверх, сиюсь словить...белоснежную снежинку?

Глаза Кречета расширились от удивления, неосознанная паника свернулась клубком где-то в груди. Он осмотрелся: с неба, которое сегодня должно было быть ясным и солнечным, медленно, но по-странному угрожающе опускались крупные снежные хлопья.

— Гроза, — стараясь сохранить невозмутимость, позвал он свою ученицу. — Нам нужно сейчас же вернуться в пещеру.

Кречет не мог объяснить даже самому себе, почему его интуиция так настойчиво требовала спрятаться, убежать, спастись, но из-за первобытного страха, подступившего уже к горлу, не допускал и мысли сопротивляться.

Гроза удивлённо обернулась на наставника, который поспешно развернулся и рысцой припустил в обратную сторону по тропе. Всё ещё беззаботно отвлекаясь на щекочущие прохладой обоняние снежинки, Гроза послушно двинулась за Кречетом широкими прыжками.

Не успел Кречет обдумать случившееся, как в спину им ударил сильный порыв морозного ветра. Он, играючи, прощупал каждую косточку под поредевшей к тёплому сезону шёрсткой: маленькая охотница снова взвизгнула, едва не споткнувшись.

— Давай сыграем? Кто быстрее до пещеры, а? — Кречета тоже пробрало холодом, но заметив испуг своей ученицы, охотник постарался придать своему голосу оттенок беззаботности. Ветер безжалостно подбрасывал в

воздух уже опавшие на землю снежные хлопья, за считанные секунды всё вокруг них уже укрылось белым покровом.

— Давай, беги, — охотник подтолкнул остоленевшую Грозу плечом, и та наконец сорвалась с места. Кречет припустил следом за ней.

В то же время на границе, где уже во всю бушевала метель, дорогу домой пытались найти Синева и Туман. Кошку то и дело попросту сдувало ветром, а ловивший её крупный страж бесконечно что-то лепетал в волнении.

Мол, Веточка точно должна быть в пещере, ничего с ними там не случится, и я скоро вернусь домой, и всё будет хорошо. Синева отчётливо почувствовала, как у неё задёргался глаз, и вовсе не от холода.

— Если ты сейчас же не заткнёшься, жизнью клянусь... — перекрикивая ветер, рывкнула стражница, но была снова перебита завыванием метели и едва не споткнулась обо что-то под снегом, достающим ей уже до живота. Туман невозмутимо придержал подругу в очередной раз и благоразумно принял к сведению угрозу.

— Синева! Туман! — слышался издалека звонкий голос, который быстро распознала серая кошка. Толкнув Тумана в бок, стражница направила соклановца в нужную сторону. Змея-Гремучка, тоже возвращающийся из дозора, кивком головы указал им на трещину в скале.

Бурый силуэт кота размывало снежной пеленой, но различить направление его движения не составило труда. Не обсуждая ничего, все три стража направились к укрытию.

Второй по счёту в трещину ввалилась Синева, шипя и красочно ругаясь. Отряхнувшись, кошка проследила, чтобы следом за ней благополучно прошёл и осточертевший взволнованный молодой отец, и только тогда взглянула на друга. Змея-Гремучка сдвоенно кашлянул, укладываясь ближе к соклановцам.

— Что ж это за ерунда такая, — Синева наконец выдала хоть что-то попадающее в рамки приличия. Туман напряжённо наблюдал за погодой снаружи, и стоило ему снова открыть рот, как стражница предусмотрительно повысила тон: — Хоть одно слово!

Крупный страж смущённо переставил лапы на месте и закрыл рот. Змея-Гремучка фыркнул и сипло засмеялся, но Синева одарила его выразительным взглядом, сообщая, что он ничуть не лучше. Бурый кот в ответ скорчил серьёзное лицо и предложил:

— Разумнее всего будет выйти, когда ветер успокоится, — очевидно, щуплого стражика сильно продуло, и позже он обязательно сляжет с кашлем. Уже сейчас он заметно напрягся, чтобы говорить громче.

Не успели стражи обсудить выдвинутое предложение, как снаружи послышался шум и последний оставшийся свет загородила фигура белоснежного кота. Змее-Гремучке, однако, даже не нужно было поворачиваться, чтобы определить личность вошедшего.

— Орлиное Перо, — Туман приветливо улыбнулся, а охотник-великан лишь качнул головой в ответ. Змея-Гремучка тихо ойкнул и постарался как можно скорее улечься изящнее. Синева почувствовала, как у нее из-за этого заняли зубы.

Славно, что им удалось так вовремя встретиться в безопасном месте. Но упомянутые мной коты — те, кому действительно повезло. Через время, когда Кречет с Грозой уже будут защищены сводами родной пещеры, а Веточка растеряет все нервы от беспокойства, ветер ненадолго поутихнет.

Тогда до лагеря доберутся и укрывшиеся в трещине: Туман появится первым, сразу бросаясь успокаивать перепуганную роженицу, за ним следом — Синева, а после и Орлиное Перо, поддерживающий совсем разболевшегося Змею-Гремучку. Неясно, правда, притворяется он или ему действительно настолько плохо.

Скоро метель снова разыграется, и успевшие добраться до пещеры коты будут надолго погребены там же, внутри. Снег закроет все выходы, их придётся снова раскапывать. Что до тех, кто не успел вернуться — наверняка их больше никто и не увидит. Во всяком случае, живыми.

«Обычно змеи не любят дожди»

Мне кажется, в прошлых своих историях я достаточно внимания уделил конфликту двух сестёр-божеств, поэтому на этот раз расскажу о том, как жилось их народу ещё до рокового дня.

Всё дело в том, что пещерной стражнице Синеве пришлось рано повзрослеть. Её обучение ремеслу стражей было в самом разгаре, когда неожиданно в горах случился обвал, после которого её матери пришлось справляться с четверкой только родившихся котят в одиночку. Здоровье роженицы подводило её давно, а после тяжёлых родов стало вовсе никаким.

Любой ветерок мог заставить её чихать и кашлять, а сил в обычное время едва хватало только на то, чтобы дойти до кучи с дичью и обратно,

в детскую. Не успели братья и сёстры Синевы покинуть детскую, как одна из очередных затянувшихся болезней наконец унесла с собой жизнь их матери.

Только закончив обучение, Синева стала приглядывать за четырьмя младшими котятами.

Примерно тогда же, некоторым позже, стражем стал и Змея-Гремучка. Во время обучения они с Синевой пересекались пару раз. Пятнистый кот был настолько изящным и тонким, что уже привыкшая к трагедиям в своей жизни стражница решила его не запоминать.

Мало ли, решит подружиться, а такого хляка сдует ветром с обрыва и поминай как звали. Даже в юности Синева была крупнее и крепче, чем Змея-Гремучка.

В один день Синева вернулась из дозора, привычно перебегая в детскую, чтобы проконтролировать своих братьев и сестёр: подрастая, малыши начинали доставлять всё больше проблем не только ей, но и окружающим. Малыш Хорёк был тем ещё задирой, иногда доводя до белого каления даже будущих.

Сестрички-непоседы Облачко и Лучик постоянно норовили скрыться с глаз воспитателей и кормилиц, а ведь за пределами пещеры было так много опасностей, о которых малышки не имели и понятия. Один только Туча был по мнению старшей сестры терпимым для взаимодействия.

Его было просто заинтересовать, тогда он мог хоть целый день лежать в подстилке и жевать пёрышко, ожидая возвращения Синевы из дозора.

Кто бы мог подумать, что только он и останется в детской, когда туда заглянет Синева. Наблюдая эту картину, стражница бессильно вздохнула, оглядываясь. Услышав шум, Туча поднял большие зелёные глазки, выпуская изо рта пёрышко и облизываясь.

— Где твои сёстры и брат? — безжалостно сухим тоном спросила старшая сестра, подёргивая кончиком серого хвоста. Такой же серый котёнок потерянно повёл плечом: естественно он не знал, слишком увлеченный своей игрой.

Не успела Синева задать следующий вопрос или возмутиться, как ее внимание переключилось. Очередная жертва пыталась отвязаться от назойливого дитя: Хорёк в свои луны уже был крупным и сильным, некоторые ученики не знали, куда от него деться.

— Дерись, трус! — визжал Хорёк, вцепившись в бок беспомощно машущего лапами будущего охотника. В голубых глазах Синевы опасно заплескали огни, когда она приблизилась к брату: тот и пискнуть не успел, как повис в зубах стражницы.

Хорёк завизжал снова, когда сестра безжалостно встряхнула его в своей пасти, роняя в собственные лапы. Котёнок стыдливо попятился, упираясь спиной в широкую грудку Синевы и задирая голову.

— Ты! Не надоело под лапами у старших путаться?! — Хорёк от строгости тона сжался, присев и наморщив нос. Он не успел огрызнуться, как Синева шикнула на него и продолжила допрос: — Сестёр видел? Просила следить, но тебе же драться интереснее! Почему на мне всё это?!

— Сбежали, вернуться не обещали! — пропищал Хорёк и показал ей язык, в следующее мгновение пытаясь увернуться от удара сильной сестринской лапы. Синева пихнула его в сторону детской, прикрикивая, что он наказан и ему больше нельзя сегодня оттуда выходить.

Лучик и Облачко стражница в пещере так и не нашла, из-за чего всё сильнее пугалась, а как уже известно, её беспокойство всегда выливалось в раздражение. Даже Хорёк в детской уже сидел притихнув, прижимаясь к боку настолько же напряжённого Тучи. Строгий и громкий голос Синевы давно был единственным средством удержать их в состоянии послушания.

Синева наконец вылетела из пещеры, намереваясь по запаху найти сестриц. Обычно в этом состоянии стражница источала настолько заметную агрессивную ауру, что её попросту боялись трогать, но мелодичный голос стража в дозоре всё равно позвал её по имени.

Серая кошка подняла по-прежнему взбешённый взгляд на голос, но во мгновение растеряла весь запал: на широком выступе у пещеры сидел Змея-Гремучка, а у его лап плотным белым комочком устроились спящие Облачко и Лучик. Жестом хвоста страж позвал кошку к себе, а как только Синева приблизилась, зашептал:

— Они не хотели возвращаться в пещеру, я только так их уговорил не убежать, — Змея-Гремучка проговорил тихо, чтобы не будить проказниц. — Я после дозора отведу их назад, хорошо?

С тех пор хилый и тонкий пещерный страж стал помогать Синеве приглядывать за младшими. Хорьку было весело с ним играть: Змея-Гремучка или был настолько слабым, или просто охотно позволял себя победить. Туче нравились его истории, а Облачко и Лучик с удовольствием резвились у его лап, когда он был в дозоре рядом с пещерой.

Синева наконец смогла выдохнуть, сложив часть своего беспокойства на другого стража.

Змея-Гремучка не жаловался и относился с теплотой и к ней, и к её младшим. Через время Синеву стала напрягать его “чрезмерная” любезность. Когда Змея-Гремучка в очередной раз принес убитого ястреба поближе к ней, чтобы перекусить в компании, серая кошка нахмурилась и фыркнула.

Пятнистый страж посмотрел на неё с присущей беззаботностью, вместо лишних слов всего лишь вопросительно мыкая, чтобы не выпускать из пасти оборванных с тушки перьев. Синева хлестнула себя по боку тонким хвостом и пробурчала:

— Ни на что не рассчитывай, понял меня? — грубый голос кошки поставил Змею-Гремучку в лёгкий ступор. Нет, он не понял. Страж выплюнул перья в сторону, пригладив язык усами, и только тогда до него дошло.

— Нет, я...я...ты неправильно поняла, — Змея-Гремучка стал неловко заикаться. Синева только ещё больше раздражалась, пока он не продолжил, топорща шерсть от смущения: — Я просто так помогаю, я совсем...мне ничего...мне вообще совсем другое нравится!

Синева вопросительно приподняла бровь, глядя на него в упор: — Что?...

Вместо Змеи-Гремучки ей ответил братец-Туча, запрыгнувший на стража чтобы зубами потянуть его за ухо. Опираясь на затылок притихшего от смущения стража, он замахал хвостиком и весело пропищал, отчитываясь старшей сестре:

— Ему нравится Орлиное Перо! Он мне сам рассказывал!

«Белая ворона»

Часто нам говорят: где родился, там и пригодился. Тебя осудит как минимум каждый третий за то, что уходишь из родных мест в чужой край, да и там ты будешь не иначе, как чужак. Многих это остановит, но иногда условия жизни в прежнем месте настолько невыносимы, что иного выбора не остаётся.

У Орлиного Пера была большая семья и огромный дом: выкрашенный в ярко-красный амбар. Даже по меркам местных, он рос пусть и незаменимо полезным, но диким. Только открыв глаза, необычно крупный котёнок не

подпускал к себе живущих рядом двуногих, а вырастая до подростка, он гонял по амбару собак.

Орлиное Перо был молчаливым и пугающим: огромная, величественная куча белого меха, выделяющаяся на фоне остальных амбарных котов. Белая ворона, скажете вы, и будете правы! Ему и правда было слегка одиноко, но он никогда не умел говорить об этом и считал появившееся чувство чем-то естественным.

Через время двуногие решили, что проблема заселения котами амбара становится слишком серьёзной: да, они помогают с вредителями, но и сами начинают ими становиться. Решалось всё довольно быстро: ещё не выросших котят забрали, Орлиное Перо боролся за них, но и представлять себе не хотел, что с ними могло случиться в итоге.

Его родственники очень скоро начали болеть и погибать. Орлиное Перо запрещал прикасаться к еде, которую оставляют двуногие, кто-то просто не обращал на него внимания, кто-то слишком сильно хотел есть.

Наблюдая за этим, Орлиное Перо однажды понял, насколько напрасны все его усилия. Любые. Никто его не слышит, даже не пытается выслушать, пусть он не очень хорошо умеет объяснять и в его стиле скорее строго запретить. В очередной такой день он опять поспорил с матерью, понимая, что ему точно никогда её не переговорить.

Орлиное Перо просто поднялся со своего места и ушёл. И ходил так много дней! Его белая шёрстка с рыжеватым налётом маскировала его в золотистых колосьях, а сильные и большие лапы несли через зеленеющие поля пустошей. Он был свободен, никто не был ему нужен.

Когда становилось холодно, Орлиное Перо находил место потеплее, когда не находилась еда — искал место, где она будет водиться. Одно только, всё то же чувство не спешило его покидать: это хорошо, когда тебе никто не нужен, но когда никому не нужен ты?

Демонстрация преданности и волнения за другого открыла ему глаза. В один из обычных своих обычных дней он зашёл дальше и выше, чем ходил раньше, и оказался слишком близко к территориям клана, о наличии которого даже не подозревал.

Орлиное Перо, естественно, тогда его звали иначе, самодостаточно хмыкнул в усы и собрался уходить, как его слуха коснулся тревожный клич. Кто-то из младших в небольшой группе котов поскользнулся на мокрых камнях, переходя реку, и грозное течение мгновенно его подхватило.

Поначалу бродяга проводил светлую фигурку ученика безразличным взглядом: ему же наверняка говорили глядеть под лапы, не его ли это вина, что он выбрал остаться неуклюжим? Он переставил могучие лапы на камнях, собираясь отойти от края, как боковым зрением заметил ещё одного кота, спешащего на помощь первому.

Щуплый и тонкий кот, выглядящий совсем ещё юно, широкими прыжками преодолел расстояние до другого берега и понёсся параллельно течению. Когда его лапы задевали воду, вздымались ледяные брызги, так и норовившие утянуть его за собой. Орлиное Перо нахмурился: “Кого ты, щепка, собрался вытаскивать?”

Прежде чем сам успел это обдумать, он тяжёлыми прыжками спустился по камням и пробежал к реке.

Когда белый кот соскочил на выступающий в воде камень, бушующее течение реки разбилось о его грудь и лапы. Он ухватил промокшего ученика за шкурку, выдерживая из воды и встряхивая, прежде чем соскочить на берег.

Кречет глухо откашлялся и, дрожа, выпал из пасти бродяги. Не помня себя от страха и холода, будущий охотник прижался к его широким лапам и спрятался в них, как под материнским боком.

К этому моменту их догнал Змея-Гремучка. Останавливаясь после напряженного бега, щуплый страж очень удивленно взглянул сначала на бродягу сверху вниз, затем с облегчением на Кречета в его лапах. На мордашке Змеи-Гремучки расцвела глупая улыбка, он нервно посмеялся и с благодарностью боднул Орлиное Перо лбом в плечо.

— Спасибо, ты герой, — мурлыкнул Змея-Гремучка, а затем беззаботно опустил голову на уровень сжавшегося Кречета, чьи зубы отбивали дробь. — Напугал ты нас, давай вылазь, сушиться пойдём.

Как только он договорил, появилась позади и Синева, а следом за ней вероятный наставник пострадавшего ученика. Орлиное Перо рефлекторно распушил намокшую грудку, опуская уши чуть ближе к затылку, когда они с серой стражницей пересеклись взглядами. Синева спросила грозным голосом, кивая в сторону бродяги:

— Кто такой?

* * *

— Орлиное Перо, Забытое В Опустевшем Гнезде, — с весом в каждом слове произнесла жрица, хранительница и лидер клана. Она аккуратно коснулась розовым носом макушки огромного кота, специально наклонившего к ней голову, и они оба открыли глаза. — Приветствую тебя как нашего нового охотника.

Орлиное Перо в ответ промолчал, как всегда не умея подобрать слов. Но что-то внутри него встало на нужное место, будто последняя деталь огромной и сложной мозаики наконец заняла отведенный ей участок. Каким бы он ни был, здесь его слышат. Здесь он нужен, здесь он полезен. И раз так может быть, пусть так и остаётся.

«Орёл в пещере»

Туман и Веточка невероятно любили друг друга, настолько же сильно, как и каждый из них любил их общих котят. Веточка родила двух девочек ранним утром летнего дня, и с того самого дня молодой отец носился от границы к пещере на крыльях счастья каждый день, чтобы проводить как можно больше времени с семьёй.

Даже если совершенно не знал, как именно это делать.

Когда сестрички подросли достаточно для того, чтобы не нуждаться в постоянном внимании матери, Веточка наконец вернулась к посещению гозоров, уговаривая Тумана иногда оставаться с детьми.

И всё бы ничего — Туман их любил, правда любил, но понятия не имел, что с ними делать. Каждый раз он просто ложился рядом, ожидая, что всё решится само собой. Малышки таскали его за уши, дёргали за тонкий хвост и скакали через него, как через бревно. Однажды наблюдая эту картину, Веточка беспомощно вздохнула.

— Скажи мне, ты хоть чем-то собираешься их занять?

Туман смотрел на возлюбленную отчаянно и вопросительно, опуская большие уши к затылку. Говорит:

— А чем я могу их занять?

Веточка выразительно вскидывает брови, прищелкивая языком, затем кивает подбородком в сторону малышей. Не говоря больше ни слова, пещерная стражница разворачивается и возвращается к собирающему гозор, а Туман провожает её растерянным взглядом.

Через пару минут прежнего взаимодействия, одна из малышей вдруг цепляет лапой небольшое пёрышко и толкает его в сторону отца. Туман ловко накрывает его лапой, затем толкает обратно и вдруг задумывается.

Его дочь с радостным визгом бросается вслеп за пером, а её сестричка мгновенно начинает скакать следом. Туман медлит несколько секунд, затем, просияв, тихо предлагает:

— Эй, малышки, — он невольно хихикает, когда на него поворачиваются две пары широких круглых глаз. — А давайте поиграем, будто я орёл?

Сестрички весело пищат, когда Туман поднимается на лапы и делает ловкий прыжок вперёд, подхватывая одну из своих дочерей в пасть, будто орёл в свои когти.

За этот день Веточка возвращается в пещеру ещё пару раз, но каждый раз находит эту компанию в разных местах за разным занятием. То Туман показывает им жучков под влажным камнем, то щекочет за ухом широким пером ягнятника, принесённым для котят.

И только вернувшись с самого последнего дозора она вздыхает с умилением от открывшейся картины. Втроём, Туман с двумя дочками свернулись на одной общей подстилке.

Только и слышно, как каждый из них утомленно сопит, пока стражница с зевком устраивается рядом, чтобы прикрыть короткую шерсть возлюбленного пушистым хвостом.

«Найди меня, охотник»

Рассветное солнце цеплялось за горные пики, жидким золотом растекаясь по склонам. Змея-Гремучка расслабленно подставил бурую мордашку солнечным лучам, ненадолго прикрывая глаза. Легкий утренний морозец щекочет кожу под ещё не опушившейся шерстью.

Страж внимательно вслушивается в шум ветра, вдыхает запахи и совсем не замечает, что сам уже давно является объектом слежки. Рядом очень скоро возникает светлая гора шерсти, Змея-Гремучка вздрагивает, резко втягивая холодный воздух.

— Интересный из тебя дозорный, — басом проговаривает Орлиное Перо, присаживаясь рядом со стражем на плоский камень. Охотник прицокивает, критически оглядываясь: — Местность открытая, ты дремаешь, — Орлиное Перо внимательно смотрит на стража, Змея-Гремучка ещё пару секунд смущённо молчит.

На фоне огромного охотника он выглядит ещё более тонкой щепкой. Набравшись смелости наконец, Змея-Гремучка натягивает на мордашку

одно из своих любимых хитрых выражений и приподнимает подбородок, чтобы взглянуть на охотника:

— Это потому что ещё утро, — поясняет страж, кивая в сторону поднимающегося солнца. — В это время ещё некого ловить, приходи позже.

Орлиное Перо непонимающе хмурится: по его мнению, раз уж ты берёшься за какую-то работу, то выполнена она должна быть качественно и до конца. Змея-Гремучка, очевидно, просто бездельничает.

— И что меняется? — подумав, притворно лениво поинтересовался охотник, наблюдая за казалось бы уверенно чувствующим себя стражем.

— Я же сказал, приходи, тогда увидишь...Вернее, нет, не увидишь, — Змея-Гремучка тихо хихикнул, наклонив голову вбок. — Поспорим? Приходи после полудня в это же место и попробуй найти меня в дозоре. У тебя не получится.

Орлиное Перо выразительно вскинул бровь, под этим взглядом страж едва не растерял свою защиту, после чего заинтересованно произнёс:

— И на что спорим?

— На желание, — торопливо, наобум ответил Змея-Гремучка, а Орлиное Перо кивнул. Затем поднялся с места и отправился восвояси, чтобы принять участие в ближайшей охоте.

Шло время и солнце лениво тянулось к зениту. Орлиное Перо настолько же неторопливо переступил ближе к границе, присматриваясь к прежнему месту дозора Змеи-Гремучки, где его предсказуемо уже не было.

Орлиное Перо огляделся и первым же делом отметил несколько укромных мест, которые принялся проверять. Лелея в душе надежду коварно застать показавшегося ему беззаботным стража врасплох, он каждый раз подкрадывался, но каждый раз находил себя ни с чем.

Только ко времени конца дозора он услышал за своим плечом смешок и обернулся, чтобы наблюдать как Змея-Гремучка изгибисто напрыгнет на его спину, пытаясь повалить. Огромный охотник, к разочарованию стража, без особенного усилия устоял на лапах.

— Усёк? — смеётся пещерный страж, соскальзывая с бока охотника. — Теперь ты мне должен!

— Где ты прятался? — торопливо спрашивает Орлиное Перо, ничуть не расстроенный своим проигрышем.

— Не прятался, а сидел в дозоре, — деловито поправляет Змея-Гремучка перед тем как ответить: — Очень хорошее место, тебе понравится! Пойдём, покажу!

И жили они долго и счастливо, а Орлиное Перо обязательно выполнил желание, которое Змея-Гремучка уже давно для него подготовил.

«Пятьдесят оттенков чёрного»

Перец — страж. Трудолюбивый и старательный, прогуливающийся рядом с границами даже вне дозоров. Джеки — бродяга. Своенравная и упрямая, готовая стоять на своём до конца, даже если придётся применить метод клыков и когтей.

Впервые они познакомились поздним вечером, когда Перец заступил в очередной поздний дозор. Прохладный ветер трепал его редкую шёрстку, позволяя взбодриться. В погоне за кроликом Джеки бессовестно пересекла границу, её черный силуэт молнией настиг зверушку к тому же моменту, как Перец спустился чтобы её остановить.

— Кто выследил и словил, того и дичь, — в ответ на замечание фыркнула Джеки прямо в лицо стражу, обдав морду запахом свежей кроличьей крови. Перец даже застыл на несколько секунд, не зная, как бы возразить.

С того самого дня началось их противостояние, через пару дней противостояние переросло в намеренный поиск встречи, а после и в договорённости. Джеки незаметно приходила затемно к границе, где во мраке сверкали только два зелёных огня её глаз, а Перец в свою очередь буднично заступал в поздний вечерний дозор.

Тогда они могли проводить время вместе, глядя на звёзды и разговаривая обо всём на свете.

И так продолжалось, пока могло: пока через пару лун на границе он не встретил сразу две черношерстные фигуры. Две тени, одной из которых точно была Джеки, сцепились в драке, да такой, что аж клоки шерсти летели.

Перец не запаниковал, быстро сделав выбор, и в два широких прыжка добрался до дерущихся. Он влетел на спину одной из теней, больно вцепившись в плечо. Лапы черной тени вздрогнули, теряя равновесие, в то время как вторая наконец вырвалась из чужой хватки и соскользнула в сторону, будто уступая место подмоге.

Перец с рыком отпихнул тень с места, вырывая очередной клочок шерсти и сплевывая в сторону. Тонкое и гибкое тело тени повиновалось, поскользываясь на мелкой крошке камней и соскальзывая с края. Перец было подался вперёд, но испуганно отскочил обратно: звук от падения оказался слишком неприятным для слуха.

Внизу уже много лун каменными кольями расположились острые камни. Перец поморщил нос и обернулся на вторую тень, позади себя.

Та открыла заплывший кровавой раной глаз и благодарно кивнула, всё ещё восстанавливая дыхание. Перца пробрало холодной дрожью: глядящий на него глаз светился янтарём.

Он не сказал ни слова, только сделал новый шаг к краю, выглядывая с обрыва, чтобы посмотреть на израненное тело чёрной кошки на камнях. Джеки.

«Как день и ночь»

Ничто в течении времени не остаётся недвижимым, так когда-то котята вырастают до будущих, а будущее становятся полноправными охотниками и стражами. Не глядя на суровые условия изменившихся после трагедии со снегопадом территорий, Гроза стала взрослой охотницей, а подросшие сиблинги Синевы приступили к своему обучению.

С небольшим, или весьма крупным, исключением: Хорёк быстро посвятился в стражи, как всегда отличаясь от соседей по палатке внушительными размерами и пушистостью. Тучу взял под своё крыло Кречет, что до близняшек — Облачко успешно обучалась искусству охранять и защищать, а Лучик стала первой ученицей повзрослевшей Грозы.

Чёрношёрстная охотница как раз прогуливалась по пещере, чтобы найти и вывести Лучик наружу для тренировки. Разглядев недалеко от детской стройную белую фигурку, Гроза поспешила ближе, окликая:

— Лучик, вот ты где, — она мягко улыбнулась, а “Лучик” лениво оторвалась от вылизывания и приоткрыла янтарный глаз. Лежащий рядом Хорёк многозначительно хмыкнул в усы, и прежде чем Гроза успела продолжить, белоснежная кошка наконец повернула к ней свою мордашку. Второй открывшийся взгляду охотницы глаз оказался голубым.

— Не угадала, — расплывшись в озорной ухмылке, подразнила Облачко. Гроза тихо посмеялась, самоукоризненно качая головой.

— Где сестра, не знаешь? — в ответ Грозе будущая стражница только неопределённо покачала головой, а Хорёк ответил за сестру:

— Снаружи.

— Одна? — Гроза нахмурилась и встревоженно обернулась на вход в пещеру, где на фоне пасмурного неба кружились хрустальные снежинки. — Нехорошо, надо поискать.

Хорёк не упустил момента шутливо бросить, подмигивая миниатюрной тёмной охотнице:

— Тебе сопровождение не нужно, а? — он оскалил белые зубищи, Гроза фыркнула в усы и, обернувшись на него, засмеялась. Не успела она собраться с мыслями для ответа как знакомый голос заставил её обернуться.

— А тебе? — Лучик выпустила из пасти орлиную тушу, грузно упавшую к её белым лапам, и провокационно дёрнула подбородком в сторону брата. Хорёк, по-прежнему воспринимая всё как шутку, прихрюкнул в смехе.

Гроза удовлетворённо покачала головой, оглядывая и обнюхивая принесённую её ученицей добычу. Наблюдая за этим, Лучик невольно распушила белую грудку, затем по-сопернически метнула взглядом молнию в сторону брата.

Хорёк недоумевающе приподнял бровь, затем вопросительно взглянул на Облачко. Близняшка только загадочно хмыкнула, поднимаясь с места и кивком головы приглашая брата сходить вместе в дозор.

Хорёк грузно вздохнул и поднялся, сопровождая белоснежную сестрицу к выходу. Облачко бросила на него короткий взгляд, проверяя сторону, которую выбрал братец, и решила сменить: ловко перепрыгнув прямо через его спину, будущая стражница сделала так, что Хорёк оказался со стороны её янтарного глаза.

Страж сегодня начал думать, что вообще ничего не понимает. И только когда Облачко наклонила голову и пару раз дёрнула ухом со стороны голубого глаза, он наконец уловил сигнал. Лучик проводила их взглядом и только после этого с аккуратной вежливой улыбкой повернулась к наставнице:

— А давай сегодня останемся в пещере? Вместе.

«Хороший сон»

С самого детства, Отблеск был уверен, что ему снятся вещие сны. Неизвестно, откуда он взял эту мысль: может, кто-то просто рассказал его наивному уму о таком явлении и котёнок вдохновился, а может он и сам что-то придумал.

И пока он рос это ещё было чем-то забавным: маленький котёнок всех поучать пытается: не ходи, мол, сегодня на охоту, мне приснилось, что тебя орёл унесёт.

Сбылось ли его предсказание хоть раз? Нет. Перестал ли от этого Отблеск то и дело предупреждать соклановцев о возможных угрозах? Тоже нет. Скорее, каждый раз выходило наоборот, и кто-то из горных котов уже считал его слова за своеобразный знак удачи.

До того дня, пока Отблеску впервые за многие луны приснился хороший и спокойный сон.

У Отблеска была небольшая семья, но ему вполне хватало. Несколько лун назад, первая красавица клана и его возлюбленная, Узорчатая Снежинка, подарила ему одного котёнка, и теперь они вместе со всех сторон оберегали малыша, которого назвали Плющом.

Справедливости ради, помимо прочего Узорчатая Снежинка была одарена ещё и нескончаемым трудолюбием, поэтому как только Плющ стал обходиться без её постоянного присутствия, она поспешила вернуться к охотам. Теперь котёнка чаще опекал Отблеск.

Ходил за ним туда-сюда по пещере, отвлекал, грел, что курица-наседка. Вместе они часто дожигались Узорчатую Снежинку с последней вечерней охоты и устраивались спать, но в этот раз Отблеск настолько глубоко задремал, что смог открыть глаза только утром.

Плющ настойчиво вцепился маленькими зубёнками в ухо и тянул до тех пор, пока его отец не распахнул глаза. Смешно плюхнувшись на пятую точку от неожиданности, малыш быстро подскочил обратно на лапки:

— Просыпайся! — пропищал маленький Плющ, едва не кусая Отблеска за нос, — Мама сказала, что разрешает мне встретить её с охоты, если ты пойдёшь со мной! Ты пойдёшь со мной.

Как всегда, малютка не спрашивал, а утверждал. Отблеск ответил рассеянное “мгм”, лениво напрягая плечи чтобы размять их перед тем как подниматься. Не обращая внимания на протестующие визги, он сначала тщательно умыл сына, подробно проинструктировал: не сбегать, не убегать, от меня не отходить, и только тогда направился к выходу из пещеры.

Снежок, выпавший сегодняшним утром, был удивительно ласков. Он аккуратно подминался под лапами охотника, между которыми торопливо семенял Плющ, будто специально стараясь подставить подножку. Скоро Отблеск остановился и подбородком указал на мелькающие среди заснеженных склонов спины котов.

Плющ выглянул и присел у передних лап отца, пытаясь разглядеть среди снующих неподалёку охотников свою мать. Отблеск тоже осматривался вокруг, но с другой целью: следил, чтобы ничего не причинило вреда его драгоценному котёнку.

...Как раз в такие моменты в его снах всё обычно шло не так. И сейчас, когда от внезапного движения прямо перед ними Отблеск сузил зрачки и дёрнулся назад, увлекая за собой котёнка, его взору явилась Узорчатая Снежинка.

Плющ завизжал, перепрыгивая через поддерживающую его лапу Отблеска и теперь путаясь под лапами уже у охотницы. Узорчатая Снежинка специально затаилась, чтобы "поохотиться" на своего котёнка подобно орлу, теперь грациозно описала вокруг него дугу и лизнула взъерошенный лоб. Отблеск ещё несколько секунд был лишён дара речи от напряжения.

И как раз в тот самый момент, когда охотник наконец собрался открыть рот, он снова проснулся. Плющ больно укусил его за ухо и потянул, пока Отблеск не открыл глаз. Над ухом запищал котячий голос, заставляя охотника от напряжения вздыбить шерсть:

— Просыпайся! Мама сказала, что разрешает мне встретить её с охоты, если ты пойдёшь со мной!...

Отблеск постарался как можно непринуждённое вздохнуть, бросая опасливый взгляд в сторону выхода из пещеры.

— Знаешь, а давай-ка мы дождёмся маму здесь. Ветер сегодня сильный.

«Солнечный лучик и тоскливая луна»

Вы слышали от меня уже множество историй про героев из неизвестного Солнечного клана, которому покровительствуют две сестры-богини. Для тех, кто не знает основной истории, я напомню:

Когда-то территории Солнечного клана благополучно меняли сезоны. Джуа, богиня-солнце, старательно украшала поляны цветами весной, летом отогревала косточки горных котов своим теплом, а к осени яркими красками одевала деревья.

Мвезу, богиня-луна, зимой давала природе отдохнуть от проказ лученосной сестры, а ночью ткала бесчисленное звёздное полотно. К сожалению, первая её обязанность приносила в жизни горных котов только сложности, а вторая заслуга нередко бессовестно отдавалась её сестре, мол, это же Джуа обычно наводит красоту!

И одним жарким летним днём, вместо праздника в честь Джуа нагрянула бесконечная метель, по сей день укрывающая снегами территории Солнечного клана. Мвезу обиделась, и не хотела больше видеть свою сестру: для этого лишила себя зрения. Джуа не хотела выслушивать оправданий, а потому лишила себя слуха.

Обе они были импульсивны и упрямы, поэтому конфликт не решён до сих пор.

Богини у клана было две, поэтому и хранители, лидеры Солнечного клана, отдавали каждой из них предпочтение при своеобразном жречестве. Так это называлось — путь Солнца или путь Луны. Считалось, что хранители могли контактировать со своей покровительницей во сне. Итак, едва разлепив глаза ещё в котячестве, Лавина выбрала Джуа.

Её родители и воспитатели в детской были вынуждены придумывать новые истории о солнечной богине, чтобы её увлечь, когда старые закончились. Лавина радостно визжала, когда солнечные лучи попадали в пещеру, бежала играть с солнечными зайчиками, а те будто в ответ увлечённо скакали перед ней.

Прошло много лун, прежде чем Лавина заняла пост младшей хранительницы. Её наставник, молчаливый и неторопливый, следовал пути Луны. Часто Лавине с ним было попросту скучно, да и она с огромным нетерпением, которое даже не пыталась скрывать, ждала своего первого сна с покровительницей.

Её наставник всё твердил: не ты их выбираешь, успокойся, выдохни. Оглянись, подыши, зачем ты всё время спешишь? Лавина звонко смеялась и отвечала: хочу быть как солнечный лучик, несущийся по травянистому склону, не мешай мне, тоскливая луна!

Старый хранитель неодобрительно качал головой и уходил перебирать травы, а Лавина беззаботно хмыкала и возвращалась в пещеру, чтобы помочь очередному соклановцу.

Первое “видение” посетило её совершенно неожиданно. Лавина просто очень устала за день и уснула сразу, как её голова коснулась подстилки,

хотя обычно проводила ещё по меньшей мере десяток минут, умоляя любимую Джуа её навестить. Лавине приснился пахучий цветущий луг.

Обилие ароматов щекотало нос, младшая хранительница несколько раз чихнула, прежде чем с присущим пару раз прыгнуть среди цветов и свалиться набок, обваляться в пыльце.

Желтая пыль осела на светлой шёрстке, словно золото переливаясь на ярком солнце. Лавина открыла глаза, лежа на спине, и увидела над собой медно-рыжую кошку. Над её головой плясали солнечные лучи, золотистые глаза согревали одним только цветом. И смеялись, искренне, с лёгким недоумением разглядывая собравшую на себе луговую пыльцу кошку:

— Занятно, — пропел сильный голос Джуа, и Лавина вскочила на лапы, ахая и делая короткий шаг назад.

Так они познакомились, а после Джуа не раз появлялась в снах Лавины по поводу и без. Иногда младшая хранительница была не совсем уверена, настоящая была эта богиня-солнце или она сама её выдумала, чтобы прогуляться по тому самому цветущему лугу и поболтать обо всём на свете.

Можно представить, насколько важным был для Лавины, уже полноценной хранительницы, праздник в тот самый роковой день. Когда в пещеру холодным ветром занесло первые снежинки, сердце светлошёрстной кошки будто тоже покрылось ледяной коркой от испуга.

Она страшно беспокоилась: что-то не так, точно не так. Джуа не явилась в её сон в тот день, тогда Лавина тревожно сжималась на подстилке в крошечной темноте, ведь снег снаружи завалил все проходы.

И на следующий день тоже, и через день. Только тогда коты клана наконец смогли немного разгрести завал и впустить в пещеру свет и свежий воздух.

Лавина по узкой снежной норе протиснулась наружу, не привыкшие к внезапному холоду подушечки лап больно морозил снег. Хранительница взглянула на тоскливый ореол солнца, спрятанный за серыми, густыми облаками.

Она разрешила себе только одну по-своему шутливую и горькую мысль: Лавина любила называть своего старого наставника тоскливой луной, наверняка, если бы он следовал пути Солнца, его солнце примерно таким и было бы!

Сразу после этого Лавина вздохнула и продолжила помогать соклановцам: пока лапы не собьются от холода, носить дичь, утеплять спальные места и расширять проходы. Всё то же, что они обычно делали незадолго до наступления зимы.

А Джуа не изменяла себе. Пока её ждут, ни за что не явится, но стоит только Лавине утомиться настолько, чтобы даже не вспомнить о своей богине, она тут как тут. Как и в прежние разы, сначала Лавина оказалась на цветущем лугу.

Между пахучих цветов кружили светлячки, а над лугом молчаливо возвысилась холодная луна. Небо окрасилось полотном звёзд. Лавина недоумённо огляделась: с чего это всё вокруг украшено именно так?

Только после хранительница заметила силуэт в полумраке, к которому торопливо направилась широкими прыжками:

— Джуа! — Лавина позвала, но фигура медно-рыжей кошки не повернулась на её голос. Хранительница сбавила шаг, и с её появлением богиня-солнце слегка дёрнулась, когда заметила светлую шерсть краем глаза.

— Какая ты быстрая, Лавина, — как ни в чём не бывало, Джуа натянула привычную снисходительную улыбку и повернулась к хранительнице.

— Я не понимаю, что случилось? У нас снег, метели, всё как зимой, прямо на твой день! Что-то произошло? Ты в порядке? Это я виновата? — Лавина тревожно зашептала в ответ. Джуа, лишённая слуха, толком не могла разобрать ни слова.

Богиня-солнце хотела было вежливо попросить свою подопечную повторить короче и медленнее, но быстро догадалась, о чём Лавина могла спрашивать. Улыбка на мордашке Джуа заметно дрогнула, она со вздохом бросила короткий взгляд на луну в небе над ними и вздохнула.

От этого жеста Лавина мгновенно замолкла. Джуа ответила сдержанно и коротко, стараясь оставить при себе хотя бы осколки сохранившегося достоинства:

— Я сделала кое-что. Мне жаль.

«Бабочка»

За пару дней клан уже привык к смене сезона и вошёл в ритм того же распорядка дня, которого придерживался каждую зиму. Правда, теперь эта зима длилась вечно.

Туча наравне с другими охотниками ежедневно покидал пещеру: в первые дни с опаской, снег ещё был рыхлым и легко мог похоронить под собой или внезапно показать кого-то, кто не успел в тот день добраться до спасительных пещер.

Ещё пара лун, и никого уже не удивляла морозная погода с утра, а потвердевшие подушечки лап не тревожил холодный снег. Тучу часто забавляло рассказывать малюткам-котяткам о том, что он учился ремеслу охоты ещё в тёплый сезон.

В один такой же обычный день, возвращаясь с позднего дозора Хорёк принёс в пещеру трёхцветную малютку: брошенного замерзать котёнка. Хранительница старательно приводила её в порядок, а Туча, отобрав котёнка у брата, сторожил и грел её на подстилке, обернув пышным серым мехом.

Той ночью ему приснился сон. Детальный и красочный. Когда Туча вышел утром плоский камень у входа в пещеру, снега на нём не было. Яркое солнце слепило глаза, и даже отсюда охотник легко мог рассмотреть нерасторопного кролика, ощипывающего куст в долине под скалой.

Туча широкими прыжками по камням спустился и затаился, но когда он сделал рывок вперёд, вместо кролика перед его мордой взвилось несколько бабочек с яркими крыльями, устремляясь к небу.

— Туча, — его разбудил голос Лавины, ласково боднувшей его носом в лоб. Охотник разлепил глаза, часто моргая: в них всё ещё кружились яркие образы насекомых, которых наверняка больше никогда не увидят на территории клана. Хранительнице понадобилась его помощь.

Пока Лавина всё ещё хлопотала над такой же сонной малюткой, а Туча сновал туда сюда с тем, на что хранительница ему указывала, лидер клана завязала неторопливый разговор.

— Обычно это я даю имена чужакам, — Лавина проговорила, не поднимая взгляда от тельца котёнка. Малютка умудрилась отморозить себе половину хвоста и теперь нуждалась в уходе. — Но мне интересно твоё мнение. Как думаешь, какое имя ей подходит?

— Бабочка, — недолго думая, ответил Туча, перекладывая травы, чтобы добраться до нужных в запасе.

— Интересно, — хмыкнула Лавина, сверкнув глазами в сторону охотника, затем снова разглядывая трёхцветную кошечку. — Пёстрая Бабочка, Кружащая Над Луговым Цветком. Как тебе?

Туча просто кивнул. И ведь только для них, взрослых, это имя было простым и понятным. Котята, рождённые всего пару лун назад, никогда ничего подобного не видели. Скоро Бабочка окрепла и была готова к играм с соседями по детской, Туча всегда был неподалёку и лениво наблюдал.

Предсказуемо, Бабочка уверенно считала охотника своим отцом, в её глазах абсолютно всезнающим, раз он смог придумать ей такое уникальное имя. Когда кто-то из котят спрашивал его, она гордо выпрямлялась, размахивая коротким хвостиком, и отвечала:

— Папа говорит, что бабочка — это как маленькая птичка, с яркими-яркими перьями! Не как у орла, красными и синими, как ягодики.

— Таких не бывает, — возмущённо отвечал ей кто-то умный, и тут же получал маленькой лапкой по макушке.

— Если ты не видел, это не значит, что не бывает! — воинственно пищала малютка в ответ. Туча тихо посмеивался, опуская голову на лапы, чтобы подремать ещё немного.

Сказки Вечного Воспевателя Солнца (80389)

«Цена нежности»

Эту историю мне рассказала моя уже давно отправившаяся в Бездну сестра Паутинка, а ей — Оцепенение, мой отец, которому когда-то поведал её старейшина, имя которого он не запомнил.

Случай этот произошёл здесь: в горах, в клане. Но так давно, что не осталось ни имён, ни примет тех котов, а только их история. В стенах наших родных пещер жила, росла и расцвела кошка, которую я назову Лепесток. Её сердцу стал мил кот, носивший имя... допустим, Коршун.

Он прибыл в наши края из далеких мест, не зная никогда ни законов, ни порядков, ни обычаев клана.

Но даже так они могли бы быть славной парой, если бы в сердце Коршуна была хоть капля милосердия, если бы его желания были менее скованы

клановыми устоями, если бы его нрав был более уживчивый. И если бы Лепесток могла ему хоть в чем-то противостоять.

Одной морозной ночью их, гонимых куда-то суровым ветром и собственными страстями, не нашли в пещере следопытов и стражей. Найти новый дом им так и не было суждено. Дни пары состояли из скитаний по миру и борьбы с голодом и жаждой.

Я мог бы сказать, что любовь служила им опорой в это непростое время. Но не могу. Отношения Лепесток и Коршуна потеряли прежнюю нежность. Лепесток с тоской осознала, что рядом с ним её удерживает только страх.

Страх, что без него она уже не справится. Коршун же находил в своей подруге тень себя: более слабую, уязвимую, зависимую от него. Нередко его лапы в порывах гнева царапали её шерсть.

Когда им встречались другие бродяги, то Коршун норовил ввязаться в драку, желая растопить в ней свой не перестающий терзать грудь гнев. В одной из таких передраг он погиб. Лепесток не скорбела по нему. Лишь тяжело вздыхала, что теперь она совсем одна. Беззащитная.

Но, как оказалось, она была не одинока. Внутри неё развивалась новая жизнь. Спустя две луны после смерти Коршуна Лепесток родила котят. Светлые, чистые, открытые миру...

Но, к сожалению, трое из четверых котят погибли при разных обстоятельствах. За кем-то не доглядела мать, кого-то погубил голод, кто-то был слишком слаб. Остался один. Чудесный мальчик. Прекрасный, словно рассвет. По крайней мере в глазах своей матери.

Жизнь начала налаживаться. Скитания привели их к территории Двуногих, где добывать пищу стало значительно легче. Лепесток обожала своё дитя. Она желала дать ему самое лучшее, научить всему тому, что она знала. Она часто говорила ему, что полагаться стоит только на себя, помня свои разрушающие отношения с Коршуном.

Помня то, как надеялась только на него. Она часто повторяла то, что кругом все только и желают отнять у него еду. Что кругом враги. Только она одна его друг в этом жестоком мире. Она научила его воровать. Она хвалила, когда он хитростью лишал других котов пищи.

«Мы должны выжить. Как — всё равно», — фраза, которую её сын слышал с ранних лун.

Он выучил все её наказания наизусть. И именно поэтому одной морозной ночью он, живущий своими страстями и чувствами, оставил её умирать.

Ему надо выжить. Как — все равно.

Воспитание молодого поколения — важная вещь, которой нельзя пренебрегать. Только привив умение заботиться о слабых, искренне любить, только сумев дать понимание, что клан — одна большая семья, ради которой мы должны быть готовы жертвовать... Только так мы сможем оставаться прочной общиной.

Правильные ценности, верные жизненные ориентиры нужно закладывать с самых ранних лун. Дети должны видеть на примере родителей то, как поступать хорошо, а как — плохо.

Младшие члены общества нуждаются в том, чтобы заботливая лапа старших направляла их в нужную сторону, оберегая от лжи, подлости и трусости. Иначе одно поколение неправильно воспитанных детей породит другое такое же поколение.

«Кто убийца?»

Эта история не имеет под собой опоры в виде реальности, являясь моей ночной фантазией. Прошу не судить её строго: я плох в этом жанре. Случилась она в каком-то далеком клане, настолько скрытом от нас горами, реками и лесами, что о нем ничего не известно ни моим товарищам, ни нашим дорогим гостям.

Впрочем, нам это не мешает понять суть: коты везде одинаковые.

Давайте отойдем от привычных горным жителям канонов, от сложенных поколениями традиций, позволим далекому клану некоторую вольность, к примеру, в имени лидера.

Властвовал над вверенной ему землёй кот с убаюкивающим именем — Сладкая Дрёма, Одолевшая Усталого Путника. Его правление, его подвиги, его слава были подобны сну — мягки, чарующи и быстротечны.

Морозная свежесть утра обхватила клан, заставляя его обитателей сильнее прижиматься к теплу тел друг друга и вжиматься в щекочущие нос перья. Привыкших к более великодушной погоде котов обжигал холод. Резкий вскрик пронзил общину. Спящие, ошпарившись о подстилки,

вскочили и скопились в обычно пустом месте. Кровь лидера обогрела его пещеру.

Отлив вновь и вновь перебирал случившееся в мыслях, пытался уместить его в картину мира, но все попытки оказались провальны. Невозможно представить то, чтобы Сладкая Дрёма погиб, погиб в сердце клана, окруженный защитой... Как такое могло произойти в их доме? Кто мог это совершить? Чьи когти лишили жизни того, кто был солнцем их клана?

Отлив внимательно следил за своими товарищами, ища в их поведении зацепки, разгадки. Жизнь клана начинала возвращаться в привычное русло, но вместе с лидером в Отливе было убито желание быть прежним. Все мысли были захвачены воспоминаниями о прошлом, о том дне, о будущем раскрытии тайны.

Всход Юных Ростков, занявший место лидера в ежедневной рутине и в сердцах соклановцев, вызывал больше всего подозрений. Он ведь справляется с обязанностями хуже, они со Сладкой Дрёмой ссорились накануне (Отлив подслушивал), ему одному могло быть это выгодно.

Отлив следил за Входом, ловил каждую его оплошность, многоголосым эхом проносил по пещерам, чтобы если не доказать его виновность, то отомстить за гибель Сладкой Дрёмы.

Одним вечером наш герой, устав после охоты, в уединении коротал время на поваленном грозой дереве. Вдруг он почувствовал, как его тело скатывается, сдвигается, теряется, пронзается... и падает в темноту.

Очнувшегося Отлива встретила морда Входа. Конечно! Это он его подбросил, сдвинул и пронзил своими уже пробовавшими кровь клыками. Он почуял угрозу в Отливе, решил избавиться от свидетеля своих злодеяний...

Почувствовав, как его тащат куда-то, Отлив заверещал, что даже если Вход и убьёт его, то правда продолжит жить. Но Вход, обработав его раны и сумев помочь прийти в себя, не бросил ослабленного кота с высоты, не утопил и не закопал, а привёл в безопасный лагерь.

Возможно ли это? Для чего он это делает? Ему же необходимо избавиться от знающего обо всем случившемся Отлива.

Долгой ночью раненый, опьянев от осознания продолжения своей жизни, бросался обвинениями в сторону Входа. Лишь утром он смог услышать, что в тот день Входа не было в родных пещерах, потому что он ушел на переговоры с соседями. Казалось, что у Отлива были зря потрачены не несколько лун, а вся жизнь.

«Забывтый урок»

В том далеком клане Сезон Падающих Листьев обычно проходил гораздо легче, чем у нас, в горах. Словно бы щадя изнеженные солнцем тонкие шубки, лето предпочитало оставаться надолго, одаривая своими дарами каждого, кому посчастливилось родиться в столь благоприятном месте.

Но в тот день, о котором я повествую, погода была непривычно суровой. Жители клана гадали о причинах таких резких перемен: может, они чем-то прогневали высшие силы? Ветра устраивают перегонки, солнце прячется в тучах, коты продолжают труды.

Отлив, наш давний знакомый, ждал своего наставника. Его взгляд с неким предвкушением блуждал по виднеющейся внелагерной территории, воображение дорисовывало её очертания.

– Доброй охоты! – пропел Сладкая Дрёма. Он опоздал, но не выглядел виноватым и смущенным, поэтому Отлив решил, что наставник пришел вовремя.

И вот, лапы Отлива впервые коснулись внелагерной земли. Восторг и трепет. Оглядывается на Сладкую Дрёму, чтобы разделить свои чувства с ним — видит понимающую улыбку.

Все вокруг такое новое и такое знакомое. Словно бы кусочки картины наконец собрались в целое. Хочется бежать. Сладкая Дрёма разрешает, предлагает устроить перегонки, называет конечную цель. Холодный ветер не останавливает двух котов, только раззадоривает их пыл.

Кажется, что бег длился всего мгновение, но налет усталости и поваленное дерево перед мордой, до которого и нужно было добежать, дают понять, что все же прошло не мгновение. Побеждает Отлив. Сладкая Дрёма хвалит его. Гордость наполняет юного ученика.

Вдруг странный запах прерывает их диалог. Точно, это же... мышь! Отлив не раз лакомился ими, когда охотники приносили домой добычу. Кинул взгляд в сторону учителя. Получил кивок. Прыгнул, но не поймал, а спугнул шумом. Опытный наставник исправил оплошность, принес дичь. Отлив смущенно посмотрел себе под лапы. Стыдно.

– Как думаешь, у меня получится стать достойным охотником? – со страхом услышать “нет” спросил подавленный ученик.

– Разумеется, – опустив на землю дичь, мурлыкнул Сладкая Дрёма. – И это определяют не твои ошибки, а сделанные тобой выводы. Нужно

действовать точнее и аккуратнее, чему ты научишься, обязательно научишься, только для начала мы...

Отлив помнит, что дальше были какие-то объяснения, разбор ошибок, которые сейчас он и не перечислит – правильные тактики и приемы въелись в его тело, неощутимо сидят советы наставника в голове, но в мысли не проникают. Но слова про промахи и выводы он запомнил навсегда.

Словно бы Сладкая Дрёма ещё тогда знал о том, какие большие погрешности совершит его ученик. Искупят ли сделанные выводы его оплошности? Он не знает. Зато он знает, что там, наверху, Сладкая Дрёма его простит.

«Тени кошмаров»

Ночь. Почти тихо: в редкие мгновения ветер шуршит деревьями или снегом. Больше ему нечего тревожить. Словно бы скорбя по кому-то, природа осыпалась и осунулась, укрылась во вьюгах. Шепот ветра за стенами пещер нежным напевом просил поспать. Хотя бы сегодня. Выход послушался. Если что-то случится, то его птичка напоем об этом.

Покой обьял душу врачевателя, укачивал его сознание. Впереди — бескрайний луг, заполненный знакомыми и незнакомыми цветами. Позади — буйная шипящая река, из которой то и дело выглядывают резвые рыбки.

Выход разбежался, прыгнул на травяной ковер, завернулся в него. Запахи лета кружили голову. Наконец все вернулось на свои места? Наконец прежние светлые деньки?

Вдруг сердце странно завывало. Что-то было не так. Солнце оставалось таким же ласковым, цветы не изменились в своей красоте, вода мурчала, как и прежде. Но что-то было не так. Выход хотел оглядеться, но понял: он не может.

Он застыл, перестал быть хозяином своего тела. Что-то (или кто-то?) контролировало его движения. Перед глазами до тошноты яркая зелень. Слух улавливает только журчание вод. Никого нет, никого нет, никого нет.

Нет, кто-то все же есть. Кто-то смотрит. Кто-то наблюдает. Он не дает о себе знать, но он здесь. Где-то рядом. Выход его знает. Он наверняка его знает, но не может понять, кто же это.

Тень.

Не завяли ли цветы? Их поглотила тень? Он все ещё не может бежать. Его поглотила тень? Он больше никогда не шевельнется? Он обречен? Тень приблизилась. Выход почувствовал его дыхание. Легкое. Ни у одного живого кота такого не может быть.

Луг исчез, осталась лишь необычная красная земля. Река затихла. Тихо, спокойно. Резкая боль в шее, перетекающая во все тело. Выход проснулся. Покой пропал из его души. Сегодня он больше не заснет.

Черный хвост, почувствовав его тревогу, обвинил. В голове один вопрос, который будет мучать до утра. А может, до конца его дней. Это был сон или пророчество?

«Маргаритка – цветок или всё же нос?»

В далёком-далёком клане были не только великовозрастные Отлив, Дрёма и Выход. Обитал в нем и пылкий к проказничеству юнец с говорящим именем — Крошка-Ежонок, Сбежавший От Матери-Ежихи.

Он в действительности рано покинул материнский бок. Его родители поспешно сошлись и столь же поспешно разошлись, отдав получившихся малышей на попечение воспитателям.

Не сказать, что подобное положение дел расстраивало малыша: едва отлипнув от маминой груди, он колючкой прилип к спине Сладкого Дремы, который в те времена был еще охотником.

Ох, сколько же проблем доставила своему воспитателю и наставнику эта очаровательная мордашка, в глазах которой из раза в раз читалось “Дремочка, так я больше не буду, я сделаю это по-другому!”

Перейдем же к тому, ради чего вы и слушаете эту сказку — к приключениям. Если честно, мне кажется, что это слово было создано для Крошки-Ежонка, очень уж часто в них попадал... Но есть одно, причина и последствия которого кажутся ну совсем не сопоставимыми!

Однажды путешественники — члены их клана, аналогом которых являются наши исследователи — принесли домой милейший цветок. Нежно-розовый, пушистый, идеально круглый... “Такой похожий на носик Сладкого Дремы!” — подумал Крошка-Ежонок.

Эта мысль прочно засела в его маленькую, обычно не обремененную мыслями, головушку. Как можно более невинно улыбаясь, он, наклонив голову

вбок, спросил: “А где это растет такая красота? Я так хочу, когда стану покрепче, увидеть её своими глазами!”

Заговорив пришедших, он узнал, что желанная им трава прячется чуть ли не за ста горами, реками и полями — но разве это остановит вдохновенного дурачка? Встав раньше солнца, Крошка-Ежонок, совсем недавно бывший котенком, отправился в путь.

Какие испытания он вынес: сначала запутался в колючках, потеряв чуть ли не половину своего меха; затем споткнулся о бревно и далеко-далеко полетел; пересчитал своими мягкими местами каждый камушек галечной тропинки; в конце концов, упал в речку.

Не желая тонуть молодым и красивым, случайно очутился на территории непонятных, пахнущих рыбой, котов. Ринулся прочь – допрыгал до места, похожего на то, что путешественники называли “амбаром”, где еле-еле пережил схватку с крысой...

Хромой, промокший, замерзший, побитый, облезлый, обкусанный, он все-таки дополз до маргаритки! И упал на том же месте, обессилив. Но, к счастью Крошки-Ежонка, валяться ему пришлось не долго. Отправившийся на его поиски патруль сумел обнаружить его смятое тело.

Пока его грели, лечили и тащили одновременно, он успел выслушать немало упреков. Но все они прошли мимо ушей: все его внимание было приковано к добытой маргаритке. Такой же мятой, как он сам.

— Крошка-Ежонок, — устало вздохнул Сладкая Дрема, — нельзя же быть таким беспечным. Ушел, один, без разрешения... Подумать только, ты столько раз мог умереть!

— Дремочка! Не сердись, пожалуйста. Лучше послушай: этот цветок так похож на твой носик, такой же мягкий и вкусный...

Пока Ежонок, захлебываясь восторгом и любовью, сравнивал маргаритку и нос наставника, по лагерю пролетали недовольные сопения и тяжкие вздохи. Вот и конец! Не совершайте такие глупости, птенчики.

«Любовь зла»

Помните Крошку-Ежонка? Очаровательный малый... У него был брат, тоже милейший мальчик, старше буквально лун на пять — Малютка-Ушан, Прячущийся От Ослепляющего Солнечного Света. Не поверите, но они с Отливом дружили с самого котячества!

Да, я сам дивлюсь: как это с таким любителем обижаться можно поладить... Но Ушанчик смог! На самом деле, они неплохо сочетались. Малютка-Ушан благосклонно терпел бубнежи Отлива, подбадривая его и стараясь направить его обиды в иное русло (то есть, не в головную боль Сладкой Дрёмы).

Отлив же, несмотря на всю свою сварливость, скрашивал дни неутомимого сверстника. Как же ему, так часто окруженному недопониманием, было бы одиноко без этого серого ворчливого недоразумения...

В тот день, о котором я расскажу, Отлив будто бы сразу встал не с той лапы. Всё вокруг его раздражало: даже чьё-то еле слышное дыхание могло вызвать волну несправедливого гнева.

Маленький и злой, он надеялся, что, когда придёт Сладкая Дрёма, все наладится, жизнь приобретёт новые краски, в мире останутся только охотники, все его остальные мечты тоже сбудутся...

Но не тут-то было! Великолепный охотник удостоил Отлива только легким кивком, после чего продолжил разговаривать с каким-то... Котом неприятной наружности! Кто это вообще? Никто — почему же тогда они так мило общаются?

На одном дыхании он выпалил куда-то в сторону Малютки-Ушана:

— Точно! Это ведь Выход, молокосос... Совсем недавно страж, а уже со старшими вон как языком чешет. Грубит наверняка! И вообще, у него хвост вон как неаккуратно торчит, прилизал бы хоть перед встречей такой важной.

Хвост самого же котенка невольно оказался смешно поджат между задних лап, словно бы кто-то прилепил его паутиной к низу живота. Так бывает всегда, когда он недоволен...

— Зато у него он не похож на червяка! — беспечно бросил Крошка-Ежонок, прежде чем со всех ног ринуться к лапам Сладкого Дрёмы под униженным и злым взглядом Отлива.

Эта фраза, которая и не планировала быть оскорблением, очень задела нашего и без того опечаленного героя, тут же решившего излить свои чувства другу:

— Вечно этот Ежонок лезет куда-то, куда его вообще не звали! Сам жизни не видел, ничего не знает, только и умеет других доставать...

Крошка-Доставучка — вот как нужно было его назвать! Бесит хуже стрекозы, духи предков не дадут мне соврать!

Взгляд Малютки-Ушана потемнел. На этот раз не говоря ни слова, он хлопнул Отлива хвостом по морде и демонстративно удалился на лекцию, не будучи уверенным, что сможет сейчас спокойно отстоять честь Крошки-Ежонка.

Отлив пошел за ним, но не мог ничего сказать: ведь всем известно, что прерывать воспитателей нельзя. Ходят целые легенды о том, что стало с осмелившимися...

Как только прозвучало желанное «у вас остались вопросы?» , виновный подбежал к своему судье, после чего отвел не возражающего Малютку-Ушана в сторону для вопроса:

— Ты меня больше не любишь?

Навостривший уши котенок отрицательно ими дернул в качестве ответа.

— Тогда что случилось? Ты меня ударил! Не хочешь извиниться? — настойчиво поинтересовался Отлив.

— Хорошо, прости. Тебе было больно?

— Нет, но это было обидно! Так почему ты так резко ушел?!

— Мне были неприятны твои слова про моего брата. Я его люблю, я не хочу слышать о нем такие грубости.

— Но ведь я сказал правду!

— Нет. Если бы ты сказал, что он тебе не нравится — это было бы правдой, потому что он тебе действительно не нравится. Но ты наговорил ещё и много другого, очень много плохого о нем. Я не хочу это слушать. И ссориться с тобой тоже не хочу, поэтому и решил уйти.

— И что я должен сделать сейчас? Сказать «прости» что ли?

— Вообще, да.

Несколько минут оба молчали, пока Отлив, набравшись духу, не протараторил:

— Ладно, как хочешь, если иначе нельзя, раз тебе это так важно, то прости, но не надо меня бить больше!

— Хорошо, я тебя прощаю.

Недолго думая, Малютка-Ушан лизнул Отлива в лоб, прежде чем промурчать:

— И помни: я тебя всегда люблю. Даже когда мне что-то не нравится. И я всегда буду любить тебя... Потому что ты мой друг.

«Собака лает — ветер дует»

Сегодняшняя сказка включает в себя одновременно три истории. Все герои уже вам знакомы, кроме одной девчушки и одной старейшины, но о них станет понятно уже на ходу.

Яблочко, юная будущая стражница, беседовала со своим наставником. Возможно, некоторые из вас уже смогли узнать в этом статном коте с шоколадной шерсткой Всрога, тогда ещё пещерного стража, а не врачевателя или же его ученика.

— Глупые они, глупые! Говорят, что если с нарушителем встречу, поймать его не смогу, потому что глаза в разные стороны разбегутся... Но ведь это не так! А они просто думать не хотят, нет, не умеют думать, вот как! Кривомозгие, да... Ты меня слушаешь?

— Слушаю. Не выражайся, стражам это не к лицу. Так делают только те, кого природа обделила рассудком: либо несмышленные, либо нахальные. Ни то, ни другое не является достойным качеством для молодой кошки нашего клана. Не забывайся, — пожурил Всрог, почему-то вспоминая одного серого скандалиста.

— Хорошо, но они ошибаются! Они говорят неправду! Если они позволяют себе так вести, почему мне нельзя немножко побыть недостойной?

— Потому что ты выше этого. У тебя свой путь. И с него тебя не должны сбивать, - Всрог умолк, смакуя выбранное им обозначение,— хорьки.

Яблочко неопределенно хмыкнула, продолжая кипеть от незаслуженной обиды. В знак несогласия она повернулась к учителю спиной, на что тот отреагировал глубоким вдохом.

— Я не очень хорош в успокаивающих речах. Но я могу попробовать кое-что другое. Скажи, Ласточка хорошая стражница? А Малютка-Ушан уважаемый старший охотник?

— Конечно, ты сам это знаешь. Все это знают.

— Может, сейчас всем известно, что после битвы с нашей Ласточкой остаются только клоки шерсти... И что во всем мире не найдется более ловкого и организованного добытчика, чем Малютка-Ушан. Но раньше все глумили иначе.

Ласточка всегда была скорее пластична, чем несокрушима. Совенок, ты его не застала, определил её в охотники, рассудив, что так она принесет больше пользы дому. Казалось, Ласточка неплохо справлялась... Но, пока тело посвящало себя нежеланным трудам, сердце неуклонно стремилось к большему, к новому, куда-то вдаль... Как сердце любой птички, хи-хи.

Спустя три луны сомнений, мучений и стараний Ласточка приняла решение покинуть клан. Ей стало тошно от смеха друзей, от вида деревьев, от нашего уклада жизни... Она перебралась в племя, где, являясь воином, смогла познать истинную радость, которая охватывает каждого, кто защищает свой Дом... Но являлось ли то место Домом?

Несмотря на то, что незнакомые ей доселе традиции приняли её, что чужая земля зажгла в её сердце неукротимый огонь, она хотела дарить его месту, в котором родилась. Которое оставила, но по которому каждый закат сгорала от тоски...

Она вернулась, но уже не как охотница, а как стражница. Как самая красивая стражница, чье счастье охватило каждую горстку нашей земли... С тех пор Ласточка знает, что в этом мире нет ничего прекраснее её дома.

— Вот видишь! Она всем утерла нос!

— И при этом не посрамила ничьи мозги. Кхм, продолжим. Малютка-Ушан, плод страсти сестры и брата, с самого рождения был слеп...

— Но ведь он все равно самый-самый быстрый!

— В этом дело. Несмотря на его первенство при ловле жучков, окружающие дружно признали его беспомощным калекой, которого после достижения восьми лун приняла бы пещера старейшин.

Представляешь, какая бы тоскливая жизнь была бы у этого до невозможного энергичного кота... До конца бы своих дней ходил бы под

хвостик с одним Отливом, терпел бы насмешливые взгляды сверстников и просто медленно бы вял. Но все изменила Хохочущая Вьюга! Этой роковой женщине...

— Роковой старухе! Называй вещи своими именами.

— Главное не луны, а характер. И не перебивай старших. Придем к компромиссу: этой роковой кошке удалось выгрызть Малютку-Ушана в будущие охотники своими собственными зубами.

Она, случайная наблюдательница его игры с насекомыми, заметила талантливого мальчика. Сначала котенок не поверил ей, привыкнув к снисходительному отношению к себе. Но потихоньку она внушила ему уверенность, и совсем скоро Малютка-Ушан доказал свою состоятельность публичной демонстрацией навыков, а затем, став будущим, покорил всю гичь в округе...

Талантливый и миролюбивый. Прекрасный кандигат в старшие охотники с самого начала, не находишь? Теперь он и Хохочущая Вьюга - те, кого каждый день благодарят за наполненную едой кучу. Воистину.

— Я все поняла: нужно быть крутой, тогда все получится!

— Нужно следовать своему сердцу и не тратить время на бессмысленные споры с теми, кто со временем и так все поймет.

Сказки Мак-Самосейки (93156)

«Легенда об охотнике и птице»

Сегодняшняя сказка — одна из тех, что рассказывают старцы скучающим роженицам, а те затем передают её своим детям, опуская жуткие подробности.

Когда Горный клан был ещё юн, жил в нем следопыт. Был он быстрее полёта орла, ловчее кусающей змеи, хитрее вороньей смекалки. А красота его могла сравниться лишь с мерцанием самих звезд! Врачеватель пророчил ему великую судьбу, а соклановцы признавали в нем равного героям старинных легенд.

Однажды, когда горы согрели первые солнечные дни, клан вышел из пещер к низовью водопада. Вышел с ним и кот. И услышал клан прекрасное пение,

и увидел клан птицу. Хоть и не велика, но да чего красива была эта птица! Каждое перо её, цвета сапфира, обрамлено было золотой каймой.

А каждая песня её откликалась в сердце. И восхитился клан птицей так, как не восхищался еще ни одним существом, и начал клан превозносить птицу, как героиню старинных легенд.

Видел птицу и кот. И что-то тёмное поселилось в его душе. С тех пор потерял сон кот. Всё думал он о птице. Забыл кот про мышей и зайцев и выслеживал только ее. Не ел и не пил кот, все искал птицу. Увидел как-то кот стрижей, испуганных громом, и последовал кот за ними в самую чащу.

Долго блуждал он по лесу. И наконец, в ночь полной луны, нашёл птицу. Прыгнул кот и растерзал несчастную. Украсил кот перьями свою шкуру. И стал кот самым красивым во всех горах. И прокричал кот: «Смотрите же на меня, обитатели гор! На земле, в воде и небе нет никого прекраснее меня!»

Но бежали от него звери, улетали птицы, уплывали рыбы – смеялся над ним Хранитель Гор. Начал расти под его лапами репейник. Стали окружать его колючие кусты. И понял тогда кот, что не выбраться ему из чащи. И остался кот вечно бродить по лесу в полном одиночестве.

Потому что никакая внешняя красота никогда не скроет душевного уродства.

«Верно ли, что орлы рождены для полёта?»

Когда я был ещё будущим, один старейшина как-то рассказывал мне историю, которая случилась в его молодости. Вы знаете, как я ценю подобные истории от предков, потому постараюсь рассказать ее вам как можно подробнее.

Был он тогда совсем юным, и в один из его беззаботных котячьих деньков Врачеватель подозвал его к себе и велел следовать в Пещеру Остроконечных Камней. Тогда в тусклом свете пещеры, больше похожей на зубастую пасть, решилась его судьба. И благословенный Хранителем будущий охотник приступил к своему обучению.

О, как он радовался, впервые раскапывая зыбкую мышиную норку!

О, как он смеялся, свалившись с шаткого дерева!

О, как он праздновал свою первую пойманную дичь!

А как горели его глаза, когда он впервые увидел орла, гонимого непослушным ветром!

Но, несмотря на воодушевление юного будущего, не все в ремесле охотника давалось ему легко. Тренировки его были сложны, а дичь хитра и изворотлива. Так шли дни, и с каждым закатом все больше и больше угасала его страсть к охоте.

И в очередной раз, смотря на спарринги будущих стражей, он все чаще и чаще представлял себя на их месте. И изо дня в день, ложась на подстилку, он молился Хранителю, мечтая, что тот изменит свое решение. Однако ничего не менялось. Молитвы будущего охотника не были услышаны.

О, как он устал раскапывать мышинные норы!

О, как он ненавидел залезать на деревья!

О, как он злился, возвращаясь ни с чем с охоты!

А как потухали его глаза, когда он наблюдал за играми стражей!

Однажды, когда солнце вот-вот должно было коснуться лучами горизонта, наставник позвал его к себе. И, с грустью оглядев своего мрачного как туча ученика, сказал: "Подними глаза и посмотри на небо. Верно ли, что орлы рождены для полёта?"

Но когда они появляются на свет голые и беспомощные, разве они отрицают свое предназначение? Разве забывают о полете, мечтая стать мышами? Нет! Они растут крепнут и взлетают! Все они! И ты полетишь! Когда твои крылья окрепнут, ты почувствуешь как ветер поднимает тебя ввысь! "

И тёплое чувство вдруг согрело его сердце – он был на своём месте. С тех пор будущий не пропускал ни одной охоты. День за днем он проводил в тренировках. Лапы его наполнились силой, а сердце пылало отвагой. И изо дня в день ложась, на подстилку, он благодарил Хранителя за выбор его судьбы.

О, как он быстро раскапывал мышинные норы!

О, как он ловко карабкался по деревьям!

О, как он гордо возвращался домой с дичью в зубах!

А как горели его глаза, когда он стал охотником!

Сказки Утренней Звезды (52271)

«Маленькая мышка и большие проблемы»

История эта произошла давно и рассказывалась еще нашим старикам их стариками, а их старикам – их стариками, а... в общем, вы поняли! Поняли же? И не сказать уже, откуда она берет свое начало и была ли на самом деле. В общем, слушайте.

Тогда в клане стоял теплый солнечный день. Как вдруг на всю Пещеру Падающей Воды раздался полный испуга крик, от которого, казалось бы, даже остроконечные камни в пещере врачавателя согрогнулись, грозясь вот-вот упасть.

Стражи и охотники начали беспокойно переглядываться, по пещере пронесся взволнованный шепот, а потом из пещеры старейшин вышла разгневанная Вынь. Старейшина дрожала от страха и злости и кинула практически в середину пещеры истерзанное тело мыши. Все находящиеся в пещере смотрят на старуху с недоумением.

– Если это была чья-то мерзкая шутка, то она не удалась! – на повышенных тонах проговорила Вынь. – Только попадись мне негодник, что сделал это, я тебе хвост быстро надеру! Чего смотрите, оболдуи, следите за своими поганцами лучше!

Встревоженные стражи и охотники тут же вернулись к своим делам. Кто-то особо смелый пошел к Выни, а будущий охотник быстро подхватил бедную мышку, чтобы унести подалее: все видели, как Вынь судорожно трясло от одного только взгляда на нее.

– И чего только разоралась старая, – тихо проговорила белоснежная Коза, обратив свое внимание на Ручья – своего юного будущего, которого она получила несколько дней тому назад. Охотница сощурилась и подманила кота к себе хвостом. – Ну, чего встал? Пойди к старухе и разузнай, кто это сделал!

– Я что, страж? Пусть они и разбираются, – ответил Ручей.

Коза ничего не ответила своему ученику, только закатила глаза и ушла. Ручей закатил глаза в ответ. Но делать было нечего. Вместо того, чтобы заниматься изучением охотничьих приемов, она постоянно давала ему

какие-нибудь глупые задания. Ручей поднялся с места, направившись к пещере старейшин, сразу же скрывшись в ней.

– Что, подлец, пришел извиниться за содеянное? – голос Выпи резанул по ушам, словно когтями по камню, от чего Ручья пробрала мелкая дрожь от ушей до кончика хвоста.

– Нет, – ответил он, втягивая носом воздух. От Выпи исходил кисловатый старческий запах, заставивший будущего поморщиться. Кажется, этот запах перебивал все остальные, но какой-то иной, совсем слабый запах, Ручей все же услышал. – Коза велела узнать, как ты себя чувствуешь.

– А как может чувствовать себя старуха, которой испортили весь день?! – заверещала Выпь, подскакивая со своей перьевой подстилке.

Ручей поморщился, тихо и нехотя извинился и покинул пещеру. Он заметил, как около детской играли котята. Ручей подошел ближе. Все новорожденные котята пахли одинаково – материнским молоком, а вот у тех, что постарше, запах разнился, приобретался свой. Ручей сел в стороне, принюхиваясь.

Котят было трое. Ручей заприметил самого крупного из них, что то и дело наваливался на своих брата с сестрой, стараясь задавить. Будущий дернул ушами и поднялся с места, ближе подходя к котяткам.

– Эй, может хватит давить бедных котят, они же меньше тебя! – громко сказал Ручей, стараясь звучать так грозно, как только может. Котята вылупились на него в три пары глаз, и самый крупный из них воинственно распушил бурую шерстку и встал перед Ручьем.

– А то что! – бойко бросил котенок, заставив Ручья опешить. Сколько же дерзости в этом комке шерсти!

– А то унесу на вершину водопада и оставлю там, – сщурился Ручей и приблизился носом к носу к дерзкому котенку, который от такого ответа тут же стушевался. Ручей втянул носом воздух, но от котенка исходил не тот запах, который он почувствовал около подстилки Выпи.

Но точно такой же запах он почувствовал от котенка, что прятался за спиной своего брата. Маленький, совершенно не воинственный, трусливо смотрящий на старшего соклановца.

– Зачем ты подкинул Выпи эту мышку? Ты что, не знаешь, что с едой играть нельзя? – спокойно спросил Ручей, наклоня голову.

– Ну так она же хотела мышку, а еще наворчала на нас вечером из-за этого! Вот я и принес, – промямлил котенок. Ручей потряс головой и развернулся, чтобы подойти к матери котят. Рассказав ей все и подтолкнув нашкодившего котенка, Ручей вернулся к своей наставнице.

– Ну, теперь мы можем продолжить учиться охоте? – спросил Ручей, выделяя последнее слово.

– Так, а мы чем сегодня занимались? – искренне удивилась Коза. – Разве ты уже не научился находить гичь по ее слабому запаху?

Белоснежная охотница поднялась с места, хлопнула своего ученика хвостом по носу и покинула Пещеру Падающей Воды, присоединившись к другим охотникам.

И я там была, мед, пиво пила, по усам все текло, а в рот не попадало! И хочу сказать, что на этом история будущего охотника Ручья не заканчивается, у него еще много интересных рассказов (ну, как деды говорили!!), но их вы услышите в следующий раз!

«Теплые воспоминания»

Тёплые дни стремительно покидали горы, давая волю холодным ветрам и подступающим морозам. В горах, где расположился клан Падающей Воды, сезон сменялся куда стремительней, нежели у лесных котов, расположившихся в лесах среди густых деревьев, что защищали их от порывов ветра куда дольше.

Ручей недовольно ежится, отходя дальше от морозящего водопада.

— Эх, молодёжь, а вот в наше время!.. — скрипит над ухом будущего Выпь, появившаяся рядом так внезапно, что Ручей от неожиданности подпрыгнул на месте.

— Что в ваше время? — бурчит Ручей и старается вжать голову как можно сильнее в плечи.

— В наше время лето было теплее, морозы не ударили так сильно...

— И трава зеленее, а небо голубее, — все то же бурчание молодого охотника.

Проиgnорировав его, Выпь продолжила свой рассказ:

Много лун тому назад, когда старейшина ещё была пещерной стражницей, лето в горах действительно задерживалось дольше. Ещё три

луны можно было не переживать за дичь, что уже сейчас прячется по своим норам.

— Помню, я была молода, полна сил, но красива, как и сейчас...

На последнем высказывании Ручей не смог сдержать краткий смешок и тут же пожалел об этом, встретившись со взглядом недовольной старухи.

Иногда Ручей забывает, что Вынь за словом в шерсть не полезет и откусит что-нибудь не задумываясь, если ей что-то не понравится.

— Это сейчас вы, молодые, обленились, а вот мы тогда! – Вынь зевает, обдавая будущего неприятным дыханием, и садится, дергает кончиком хвоста.

– Охотники были куда ловчее и проворнее вас. Охотились, пока с лап не упадут, приносили в кучу добычи огромных орлов, которыми горные коты могли пировать еще несколько дней. А теперь этим олухам помощь стражей нужна, едва ли вдвоем с орлом управятся...

Ручей закатил глаза. Вынь совсем не обратила на это внимание, продолжая говорить о том, что еще в это самое время в клане рождались крепкие котята, будущее клана, которые с самого младенчества могли показать хищным птицам, кто в этих горах главный.

О том, как ветер лишь со временем холодел, давая котам подготовиться и обзавестись завидной теплой шубкой, словно зайцы. О том, как клан готовился к предстоящей поре Замерзшей Воды, запасаясь дичью, которую они хранили в снегах, чтобы она не испортилась.

Все сказанное старухой казалось Ручью забавной сказкой, чего он не скрывал, в тайне надеясь, что вот-вот появится Коза и позовет его с собой, проводя очередной урок.

— В последние дни лета я родила своих котят, — говорит Вынь, чем вновь привлекает внимание будущего. Ручей наострил уши, повернувшись к старухе: о том, что у нее есть дети, он даже не знал.

— Ох, славные же у меня детки, даже сейчас они похожи на меня, такие же смелые, отважные и ловкие. О, вон, смотри, идёт моя красавица!

Ручей повернул голову в сторону входа в пещеру и заметил заходящую Козу.

— Коза твоя дочь?! — удивленно пропищал Ручей. Эти кошки не были похожи друг на друга: Вынь старая, сварливая и вредная, а Коза хоть и странная, но никогда не бурчала без дела.

— Конечно! Выросла такой же хорошей охотницей, какими были все охотники моих времен! – гордо проскрипела Вынь, а потом, словно опомнившись, она недовольно фыркнула и наступила на хвост будущему.

— Ну, чего сидишь, лентяй? Время уходит, скоро снег укроет всю нашу территорию! Вот Коза из тебя всю дурь выьет, а пока от таких горе-охотничков мы никакой зимы не переживем! Ну! Иди на охоту!

Ручей подскочил, взвизгнув, и тут же побежал к своей наставнице. Может, в чем-то Вынь была и права, с Козой мало какой охотник в своем мастерстве сравнится.

Ах, если бы тепло задержалось у них еще луны на три, Ручей был бы только рад, а сейчас он только недовольно ежится от морозного воздуха, предвкушая долгую и лютую зиму.

«Маленький-большой»

Ручей пригнулся как можно ниже к земле, чтобы заинтересовавшийся своей пищей заяц не заметил его. Все, как учила Коза: пригнуться пониже, слиться с местностью, благо серая шерстка это позволяла, быть напротив ветра и не делать лишних движений.

Шаг, второй, третий, Ручей подбирается к своей дичи все ближе, переходит на бег. Заяц замечает юного охотника и тут же пускается наутек, что заставляет Ручья бежать быстрее, но момент оказывается уже упущен. Ручей останавливается и, полный горечи и разочарования, недовольно рвет когтями уже успевшую подсохнуть траву.

– Ты слишком торопишься, – слышит Ручей из ниоткуда голос своей наставницы.

– Он уже доедал и собирался убежать, у меня не было времени, – возмущается Ручей и смотрит на неторопливо подходящую к нему Козу.

– Никуда он не собирался, – хмыкает Коза, когда останавливается около своего ученика. Кошка хмурится, опуская взгляд на Ручья, и хлопает его хвостом по носу, чем вызывает возмущенный звук со стороны будущего. – Пошли.

Ручью ничего не оставалось, кроме как, недовольно ворча себе под нос, идти за охотницей.

– Ну и куда мы идем, – раздраженно спрашивает Ручей, когда порядком устает от чужого молчания и их бесконечной прогулки.

– Тебе точно не хватает терпения, – снисходительно мурлыкает Коза, запрыгивая на выступ скалы. Ручей закатывает глаза и проглатывает фразу о том, что кому-то точно не хватает умения говорить информации чуть больше, чем ничего.

Запрыгнув следом, Ручей остановился, услышав запах мышей. Коза взмахом хвоста заставляет своего ученика замереть на месте и, низко пригнувшись к земле, идет вперед. Ручей прищуривается, подмечая, что так Коза похожа на змею своими плавными движениями.

Коза подкрадывается к насторожившейся мышке слишком близко, и Ручей ухмыляется, подумав о том, что сейчас и у нее из-под лап убежит добыча. Никому же не быть идеальным. Ручья накрывает стремительно движущаяся тень и он задирает голову. Там, высоко в небе, летит ястреб, тоже приметивший дичь.

– Коза... – пытается позвать Ручей, но наставница только шикает на него.

Ястреб стремительно пикирует вниз, и, когда мышь отчаянно пищит в когтях крылатого хищника, Коза делает резкий прыжок вперед. Охотник становится жертвой в тот момент, когда цепкие кошачьи когти впиваются в его спину, а укусом в шею Коза быстро усмиряет буйную птицу. Ручей в восхищении открывает рот.

– Видишь. Ты слишком торопишься, – констатирует факт Коза и отпускает птичью тушку. Когда Ручей подходит ближе, он замечает, как Коза достает из-под лап птицы едва живого мышонка.

– Ну, ты ведь не могла знать, что тут вообще будет ястреб, – ворчит Ручей, едва отвернувшись.

– Почему это? Ну-ка присмотришься, где мы?

Ручей окинул взглядом долину. Тут всегда было много мышей, а вместе с тем и частенько летали не только стремительные ястребы, но и могучие орлы. Одновременно самое лучшее и худшее место для охоты. Ручей дернул ушами:

– Тут недалеко ястребиное гнездо.

– Именно. Необязательно охотиться за малой дичью, если можешь получить ее вместе с дичью побольше.

«Или сам стану для этой «побольше» дичью, ага».

Коза была не совсем ответственной наставницей, но определенно одной из лучших. Она редко давала Ручью уже готовые знания, в большинстве своем заставляя думать самостоятельно.

Иногда у нее не было настроения, и она портила его и своему ученику тем, что для размышлений даже никаких подсказок не давала. Она была своеобразной, чем иной раз раздражала Ручья, но многие в клане отмечали его успехи, превосходящие других будущих одного с ним возраста.

Сказки Горькой Смолы (69763)

«Сказка о непутёвом Стрекозе»

В одном далёком-предалёком племени жил-был один кот. Было это так давно, что настоящего имени его уже никто не помнит: в своем рассказе буду называть я его Стрекозой, ибо это прозвище ему хорошо подходит.

Жизнь у Стрекозы была не обременена трудностями и печалями, но и радостей в ней особо не было. Да и сам он был, откровенно говоря, никакой - ничем не увлекался, ничем не занимался, любил только лежать на подстилке целыми днями без дела да мух считать.

Был у него брат по прозвищу Муравьишка. В отличие от Стрекозы, давно нашел он занятие себе по душе, а потому был успешен и счастлив. Однако не нравилось Муравьишке поведение своего брата. Пришел он к нему однажды и молвил:

— Пора бы тебе, дорогой мой братец, встать наконец со своей подстилки и найти и себе занятие по душе! В чем прелесть жизни, если проживаешь ты её в одних мечтаниях? Найди себя - тогда и заживёшь!

Вздохнул Стрекоза недовольно, но делать нечего было. Поднялся на лапы и вышел в поле - искать занятие себе. Принялся он было ловить рыбу в речке. Сунет лапы в воду и сидит, а рыба вся мимо проплывает; посидел так немного и плюнул.

— Не быть мне рыбаком! Сколько ни жду, а рыбы в реке нет! Пойду ловить мышей.

Пришёл к мышиной норке. Сидит возле неё, сидит, а мыши на глаза всё не показываются. Наконец, надоело ему сидеть.

— Не быть мне охотником! Сколько ни жду, а мышей, видно, всех уже переловили! Попробовать, что ли, трав целебных найти?

Но вместо целебной травы выкопал в поле он одни сорняки: принес целителю — тот усмехнулся и головой покачал.

— Ну, видимо, не быть мне и травником!

Бегал так Стрекоза до самой ночи: посидит над одним занятием пару минут, плюнет и примется за другое. Ничего у него не идёт, ничего не получается.

Расстроился он и в лес пошёл, да заблудился, не зная дороги. Добрую половину ночи плутал Стрекоза и вдруг наткнулся на маленькое круглое озеро. Сел возле и начал на судьбу сетовать:

— Брат мой — жестокий шутник! Как стрекоза, летаю я от одного камыша к другому без усталости, но нигде не могу приземлиться, ни одно дело мне не подходит. Как найти мне занятие по душе, как найти мне себя?

Вдруг смотрит — глядит на него из озера его собственное отражение и улыбается.

— Зачем дальше искать? Ведь здесь я. Протяни лапу, вытащи меня из озера, приведи к брату своему да скажи, что себя нашёл: брат тут же от тебя отстанет.

Обрадовался Стрекоза.

— А ведь право ты, моё отражение! Зачем я, дурак, столько времени истратил!

Сунул он лапу в озеро, а отражение вдруг — хватать! — вцепилось в неё, потянуло вниз, и в одно мгновение скрылся наш непутёвый герой под водой. Сколько ни искали его соплеменники, всё без толку: словно сквозь землю провалился, нигде ни следов его, ни запаха: нашли только в густой чаще в разгар лета покрывшееся толстым слоем льда озеро...

Сказки Кроличьей Лапки (96600)

«Как Первый Подснежник нашел друга»

В Горном клане кипела жизнь. Стражи собирались в дозор, охотники мчались ловить мышей и ястребов, будущие осаждали наставников вопросами.

Только Первый Подснежник остался не у дел. Утром он, как обычно, уселся сортировать травы: помощники умудрились свалить в кучу чабрец, фиалку и корень лопуха. Но тут в кладовую заглянула наставница и поинтересовалась, не хочет ли будущий выбратся наружу.

Первый Подснежник подумал и честно ответил «нет». Травы сами себя не переберут. Зачем куда-то идти, если и здесь хватает работы?

– Затем, что мир намного больше, чем наша кладовая, – фыркнула в ответ бурая кошка. – Тебе, полезно иногда в нем бывать. Служить клану — не только целыми днями обрывать лепестки с ромашек. Это значит быть ближе к его обитателям.

Время от времени поваляться с кем-то на солнышке и поделиться новостями ничуть не менее приятно, чем набрать свежего чабреца!

И для тебя, и для Клана. Давай, Первый Подснежник. Хватит прятаться, как старый барсук в норе! Иди и подружись с кем-нибудь.

Не обращая внимания на протесты, недовольная кошка мягко, но решительно подтолкнула его к выходу. Смирившись с тем, что на сегодня о полезных делах можно забыть, ученик тихонько вздохнул и поплелся в Пещеру Падающей Воды.

“Ей легко говорить!” – про себя сетовал Первый Подснежник, меряя шагами пещерку. У Сказительницы было полно приятелей: Серебристый Полумесец, друг детства и глава пещерных стражей, Мгла, черненькая красавица-кормилица.

Наставница знала по имени каждого кота Клана, и кое-кого за его пределами.

Первый Подснежник был другой. Он искренне любил свою тихую, размеренную жизнь, без пустой болтовни, потасовок и приключений. Пещерные стражи и охотники зевали, слушая его истории о болезнях, а ему было все равно, кто выдернул у орла из хвоста больше перьев.

Застенчивый котик давно привык к одиночеству: выбирался время от времени в Детскую, рассказать сказку котяткам или перекинуться парой слов с роженицами, и этого хватало. Но котята не могли считаться

настоящими друзьями. Были еще, конечно, Белый Кролик и Отражение, но они — родные брат с сестрой. Может, их и стоит позвать прогуляться?

– Подснежник, милый! – взволнованный возглас прервал размышления ученика врачевательницы. – Мне нужна твоя помощь!

Первый Подснежник так глубоко задумался, что не заметил, как к нему подошла Голубика. Обычно спокойная и дружелюбная кормилица общалась с ним любезно и ласково, а сейчас вся распушилась от тревоги.

– У Орленка с самого утра глаза слезятся, просто беда какая-то! – пожаловалась Голубика. – Утащил у брата из гнездышка пух и перья, проспал на них всю ночь – теперь чихает и плачет. Нет ли у тебя пары стебельков чистотела? И мать-и-мачехи, облегчить дыхание.

– Нет, – смущенно пробормотал Подснежник. – Но это ничего. Сейчас спущусь и соберу немного на склоне. Ты умница, что вспомнила про чистотел.

– Я пойду с тобой, – вызвалась Голубика, – Один ты столько не унесешь. И кто-то должен прогонять орлов. Подожди, я мигом, только попрошу Мглу приглядеть за котятами.

«Раньше она была пещерной стражницей и помогала нам с поисками целебных трав, — припомнил юный кот, удивленно глядя ей вслед. – Почему бы и нет, пусть идет — она вроде бы приятная кошка. И Сказительница будет довольна».

Мать-и-мачеху они нашли в запасах по дороге, а до зарослей чистотела добрались без приключений. Пока Первый Подснежник выкапывал тонкие стебельки, Голубика сидела на склоне, с наслаждением подставив шерстку под теплые лучи.

Видимо, это и было «поваляться под солнцем». Увидев, что будущий врачеватель на нее смотрит, молодая кошка смущенно фыркнула и спрыгнула с насыпи.

– Давно не выбиралась наружу. – пояснила она, присоединившись к ученику. – Соскучилась по небу, облакам, крикам орлов...

– Твои непоседы вопят гораздо громче, – неловко пошутил белоснежный кот, отрывая зубами листок. — Не боишься оставлять их без присмотра?

Голубика добродушно засмеялась.

– В основном, в уши воспитателей. В последнее время они здорово присмирели, а у меня появилось намного больше времени для хандры. Еще луна, и с удовольствием снова буду помогать вам с врачевательницей, если позволите.

– Конечно, позволим! – горячо воскликнул Первый Подснежник. – Ты не представляешь, что без тебя твориться. — с притворным возмущением начал рассказывать он.

— Вчера мой брат, Белый Кролик, взялся помочь, и принес вместо чабреца целую охапку фиалки. А стражи, которых мы попросили достать корень лопуха, свалили его прямо в кучу...

Голубика ахала, сердилась, удивлялась — не забывая рвать чистотел. У будущего врачевателя давно не было такого внимательного слушателя. По дороге домой Подснежник пересказал ей все новости, начисто забыв о своей застенчивости. А она в ответ поделилась с ним своими предложениями.

Они захлеб обсуждали, стоит использовать чистотел вместе с паутиной, когда из Детской на встречу выбежали малыши.

— Первый Подснежник, расскажи сказку! — хором запищали котята. — Про летучую рыбу! Про Хранителя Гор! Про кота в синих перьях!

— Всеу свое время! — таинственно промурлыкал Первый Подснежник, раскладывая травы. — Перескажу Вам все сказки, какие знаю, когда Орленок перестанет плакать.

—А я и не плачу! — храбро пискнул самый крупный котенок, яростно моргая голубыми глазенками. — Это я от радости – ночью прикончил целого орла, только перья летели!

Голубика засмеялась и лизнула сына в макушку, а Первый Подснежник весело фыркнул. Он сдержал слово. Обработав Орленку глаза, он до самого заката рассказывал сказки. А когда котята заснули, долго беседовал с их мамой.

О целебных травах, о подходящих именах, о том, как воспитывать малышей, и кто из них станет охотником, а кто стражем. Беседа лилась, как Водопад, и белый кот в первый раз за всю жизнь не хотел покидать Детскую — не только из-за котят. И с искренне обрадовался приглашению заходить почаще от пушистой темно-серой кошки.

Первый Подснежник вернулся в Пещеру Остроконечных Камней уже ночью. Сложил в уголок остатки чистотела и уселся перебирать травы.

Воспоминание о вечере в Детской зрело сердце, и он тихонько мурлыкал от радости, раскладывая листья.

– Видимо, прогулка удалась? – спросила Сказительница. В темноте пещерки сверкнули ее сонные, любопытные глаза.

– Вполне, – коротко мурлыкнув, отозвался ученик.

— Значит, все-таки нашлось с кем погреться на солнышке? — не отступала наставница. Судя по голосу, она была заинтригована, но Первый Подснежник не собирался удовлетворять ее любопытство.

— И не только, — многозначительно ответил он, — Кажется, я придумал новый рецепт, и с воспитателями нужно завтра обсудить кое-какие предложения. И все это благодаря новому другу.

Врачевательница долго молчала, обдумывая ответ. И, наконец, хмыкнула, повернувшись на другой бок.

— Только не забудь, что у тебя полная кладовая необработанных трав. Дружба дружбой, но кому-то надо обрывать лепестки с ромашки.

— Само собой, — кивнул белый котик. И в темноте позволил себе улыбнуться.

Он догадался, что наставница им довольна.

Сказки Вечный Огонь (115076)

«Тень из прошлого»

Когда-то давно, тогда, когда самые старые и могучие деревья были не выше лисьего хвоста, жила в раскидистом сосняке кошачья община. Назывались её жители Соснокошками, а руководил ими Хвойнолист — молодой, сильный, но сообразительный лидер, на которого его народ возлагал большие надежды.

Соснокошки очень любили котят и заботились о них так, как только могли, оберегая от всех невзгод — а чаща тёмная, суровая, в ней лесные звери рыщут. И вот однажды стали пропадать малыши: ещё вечером был — а утром будто испарился!

Встревожились Соснокошки, стали сторожить-караулить того, кто их детей уносит: но всякий сторож, стоило ему занять свой пост, тут же засыпал, словно по щелчку когтей, и никто его до рассвета не мог

разбудить. Ничего не помогало: вот уж остался последний котёнок, Солнышко, нетронутым.

Тревожнее всего Хвойнолисту было: проблема есть, а решения всё не найти. И вот одну ночь спал он, не смыкая глаз, и услышал краем уха, как зашуршали деревья — но ночь была безветренной.

Насторожило это лидера; недолго думая, бросился он к норе, где котята спали, и заметил он чёрную когтистую тень, что подхватило Солнышко. Хвойнолист ощерился, ударил тень по лапе — все стали просыпаться, и она отступила, лишь бочок малышу оцарапала.

Наутро он созвал всех Соснокошек, рассказал им, что почём. Не все, конечно, поверили — но многие прислушались, присмотрелись к свежим царапинам на тельце Солнышка, которых не было ещё вчера.

И в этот раз выступил один из старейших котов, настолько старый, что сам уже своего имени вспомнить не мог, и молвил: «Знаю я, кто это и что с этой тенью случилось».

«Кто же? Что же?» — заголосили коты, но Хвойнолист остановил поток вопросов и кивнул старцу — говори, мол.

«Был у меня брат», — со вздохом начал старик, — «не помню уже, как звали, помню только, что отражением моим был: но лишь внешне, не характером. Злющий был, ух! Будто змея какая при рождении его укусила, отравила ядом своим, а меня не тронула.

Но была кошка, которая его любила, и котята её, от него же. И вот однажды озверел он настолько, что на котёнка своего с когтями!.. но я был шустрее, загородил собой кроху, а его отбросил в сторону. И тут он заметался, словно бешеный лис, запрыгал — а потом убежал. Три рассвета его никто не видел, а потом принесли его тело — разбился!..

Но душа осталась неприкаянной, злой, вот и ходит теперь тенью, только и может, что завывать да пытаться голод свой утолить».

«Что же он, съел наших котят?!» — заволновались все.

«Куда там!.. он же дух, воровать он ворует, а съесть не может, пусть и хочет. Вы сон-траву соберите, убаюкайте его, а там уж солнце своё дело сделает...» — усмехнулся старик и наклонил голову: заснуть умудрился.

Хвойнолист медлить не стал — созвал отряд, повёл за собой Соснокошек в чащу дремучего леса в поисках сон-травы, да только все было неудачно: не находился ни один стебелёк, ни единый цветочек.

Матери уж отчаиваться стали: неужто ничто не поможет их деткам вернуться на землю?

Но лидер не отчаивался, не собирался сдаваться. И пусть гордость чуть не остановила его, все же пришлось попросить помощи у соседней стаи — Речнокошек, что жили далеко за рекой.

Путь до них был неблизкий, долгими были и переговоры: себялюбивые Речнокошки не хотели просто так отдавать ценные ресурсы, но Хвойнолист был хитрее.

Убедил он соседей, что тень и для них опасна, что чьи котята — ей неважно; это речных заставило задуматься, и они согласились поделиться сон-травой, да дали столько пучков, что Соснокошки едва унести смогли.

Заготовил их предводитель сон-траву так, как рассказал ему старец по пробуждению, притаился у себя в норе и стал ночи ждать. Свет потух — и тень явилась вовремя: вновь подкралась к Солнышку, уж положило на него свою когтистую лапу...

Да не успело — выскочил Хвойнолист, встряхнул сон-травой — лепестки её посыпались прямо на тень, она свернулась в клубочек да замерла, а как только первые лучи рассвета пробрались в нору, так она и исчезла.

И остальные котята вернулись — вышли из теней, заспанные, но невредимые. С тех пор чудище и не возвращалось на землю, все малыши выросли, стали достойными Соснокошками, а Хвойнолист ещё долго возглавлял их, защищая от невзгод.

«Новый костюм врачевателя»

Много лун назад жил-был на свете Сказитель; он так любил наряжаться, что выходил из лагеря только для того, чтобы найти новую веточку или цветочек, чтобы добавить к своему одеянию, а любые развлечения нравились ему только потому, что он мог показаться на них в новом наряде.

В Горном клане тогда жилось очень весело; почти каждый день заходили гости из других племён, а как-то раз явились двое обманщиков.

Они выдали себя за бродячих целителей и сказали, что смогут найти такие цветы, лучше которых ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно аромата и красивейшей расцветки, они отличались ещё

удивительным свойством — становится невидимыми и неслышимыми для такого кота, который не на своём месте или глуп.

«Да, вот это будет костюм! — подумал Сказитель. — Тогда ведь я могу узнать, кто из моих соклановцев не на своём месте, и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее найдут для меня такие цветы».

И пообещал он обманщикам возможность когда угодно заходить в Горный клан, питаться его дичью и спать за его стенами, когда будет угодно — только бы цветы поскорее начали искать.

Те покивали, соорудили себе подстилки в тайном, скрытом от посторонних глаз уголке палаты самого врачевателя и каждое утро куда-то уходили, а возвращались с пустыми лапами.

Нимало не стесняясь, они забирали себе самых упитанных летучих мышей, пили всегда чистую воду, а сами гуляли по нейтральным территориям и наслаждались жизнью, довольные, что больше им не нужно бороться за своё существование, да делали вид, что ищут чудесные цветы.

«Хотелось бы мне разузнать подробнее, как продвигается дело!» — думал Сказитель. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве цветов, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... всё-таки лучше сначала пошёл бы кто-нибудь другой!

А между тем молва о диковинных цветах облетела весь клан, и всякий горел желанием поскорее их увидеть.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старшего стража, — подумал Сказитель. — Уж он-то рассмотрит цветы: он умен и с честью занимает своё место».

И вот старший страж вошёл в обитель врачевателя, где плели венки из несуществующих цветов обманщики.

«Хранитель Гор откуси мой хвост! — подумал страж, тараща глаза. — Да ведь я ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, нравится ли ему, как сплётён венок. При этом они указывали на пустой валун, за которым работали, а бедный страж, как ни таращил глаза, всё-таки ничего не видел. Да и видеть было нечего.

«Милая Белый Лепесток! — думал он. — Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Упаси Фруде, кто-нибудь узнает!.. А может, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу цветов!»

— Что ж вы ничего не скажете нам? — спросил один из костюмеров.

— О, это премило! — ответил старший страж, взмахнув головой. — Какой аромат, какие краски! Да, да, я доложу Сказителю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетания красок. Страж слушал очень внимательно, чтобы потом повторить всё это Сказителю. Так он и сделал.

Потом Сказитель послал к костюмерам старшего следопыта. Он должен был посмотреть, как идёт дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же самое, что и со стражем. Уж он смотрел, смотрел, а всё равно ничего, кроме голого валуны, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая цветы и расписывая краски, которых и в помине не было.

«Я не глуп, — думал следопыт. — Значит, я не на своём месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать цветы, которых не видел, восхищаясь ароматом и сочетанием лепестков.

— Премило, премило! — доложил он Сказителю.

Скоро весь клан заговорил о восхитительных цветах.

Наконец и сам Сказитель пожелал полюбоваться диковинкой, пока она ещё не снята с валуна.

Вместе с блюстителями, в числе которых находились и те два старших, уже видевшие ткань, явился врачеватель к хитрым обманщикам, работавшим изо всех сил над пустым валуном.

— Чудесно! — вскричали уже побывавшие здесь старшие.

— Не угодно ли полюбоваться? Какие цвета... а краски! — и они тыкали лапами в пространство, воображая, что все остальные видят растеньица.

«Что за ерунда! — подумал Сказитель. — Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гоюсь во врачеватели? Это было бы хуже всего!»

— О да, очень, очень мило! — сказал наконец Сказитель. — Вполне заслуживает моего одобрения!

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая голый валун, — он не хотел признаться, что ничего не видит. Ближние глядели во все глаза, но видели не больше, чем он сам; и тем не менее все в один голос повторяли: «Очень, очень мило!» — и советовали Сказителю обязательно надеть этот наряд на ближайший Разговор.

— Чудесно! Превосходно! — только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге!

Всю ночь накануне Разговора просидели обманщики за работой и съели больше шестнадцати кобчиков — всем было ясно, что они очень старались закончить к сроку новый наряд врачевателя.

Они притворялись, что сплетают стебли между собой, сочетают друг с другом и потом скрепляют ласточкиной слюной. Наконец они объявили: «Готово!»

Сказитель в сопровождении Ближних сам пришёл к ним одеваться. Обманщики поднимали вверх головы, будто держали что-то, приговаривая:

— Этот венок на левое ухо, этот на правое, этот на хвост! Чудесный костюм! Лёгок, как паутина, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили блюстители, но они ничего не видели — нечего ведь было и видеть.

— А теперь, ваше врачевательство, соблаговолите вычистить шерсть, снять общий костюм и встать вот тут, над гладью Озерца! — сказали Сказителю обманщики. — Мы оденем вас!

Сказитель снял костюм, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть наряда за другой и наконец цепляют что-то на уши и на хвост, — это они надевали на него венки! А Сказитель разглядывал своё отражение в озере.

— Боже, как идёт! Как чудно сидит! — шептались блюстители. — Какой аромат, какие цвета! Роскошный костюм!

Сказитель крутился над озерцом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

И вот, когда начался Разговор, и врачеватель вышел к своим котам, чтобы покрасоваться перед ними, те заговорили между собой:

— Ах, какой красивый этот новый костюм Сказителя! Как чудно сидит! Какие роскошные венки!

Ни один кот не сознался, что ничего не видит, никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своём месте. Ни один наряд Сказителя не вызывал ещё таких восторгов.

— Да ведь он голый! — закричало вдруг какое-то маленькое дитя.

— Послушайте-ка, что говорит невинный котёночек! — сказал его отец, и все стали шёпотом передавать друг другу слова малыша.

— Да ведь он совсем голый! Вот дитя говорит, что он совсем не одет! — закричал наконец весь Клан.

И Сказителю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести Разговор до конца!

И он вещал в своём костюме ещё величавее, а блюстители сидели рядом, поправляя венки, которых не было.

«Сказ о сердце листопада»

Когда-то давным-давно, когда самые старые горы были ещё совсем молоды, ещё при Сказителе Жизни, — как говорили заставшие его, правителе взбалмошном и эксцентричном, — жил-был молодой кот, чья пышная шерсть отливала рыжиной опавших листьев. Звали этого юнца Медное Крыло Огромной Чудесной Птицы.

Всего ему не занимать было — и чуткого слуха, и физической силы, и старательности. Огни предсказывали ему дорогу стража, другие — следопыта, но ни то, ни другое не сбылось: с наступлением восьми лун Медное Крыло встал на путь оберегателя и был очень тому рад! Он любил детей, с удовольствием воспитывал их и был готов оставаться в лагере дольше, чем мог бы, чтобы принести пользу клану.

С его взросления шли луны, тёплые времена подходили к концу, и сезон Листопада уже чувствовался в холодных порывах горного ветра. Но капризный Сказитель вдруг взбунтовался.

«О Хранитель» — закричал он, стоя у водопада, окутанного туманной дымкой. — «Если ты слышишь мои слова, запомни их! Для чего ты позволяешь Листопаду разразиться над нами? Ведь за ним всегда идут морозы, снег и голод!»

Разве тебе не жалко детей и стариков, которые могут не пережить холодов? Останови Листопад, не дай ему наступить снова!»

Хранитель Гор, конечно, услышал его слова. Покачал головой и пророкотал — Сказитель Жизни услышал его речь в раскатах грома: «Да будет так. Но когда ты поймёшь, что совершил ошибку, ищи листопад в сердце долин».

Призадумался Сказитель: что значит «ошибку»? Ведь он, врачеватель, никогда не ошибается! Но разве Хранителю не виднее? Подумал-подумал, да и махнул лапой: он всё ещё считал, что поступает правильно.

Холодные ветра успокоились, уступили место тёплым, а после и горячим: радовались коты тому, что Бегущая Вода задержалась. Но вскоре стали замечать, что это не так уж и замечательно.

С каждым днём становилось всё жарче, таяли вековые льды и ледяные шапки зубчатых пиков, засыхали целебные травы, а гичь худела и истощалась. Плохо было и котам: непривыкшие к такой жаре, они не могли работать и почти все прятались в пещере, стараясь спастись от погодной аномалии.

В один из таких дней и пришёл Медное Крыло к Сказителю Жизни.

«Сказитель», — сказал он, — «мы не сможем жить так вечно!»

«Да уж...» — цокнул языком врачеватель, окидывая взглядом пещеру Падающей Воды, и добавил про себя: «Правильно говорят — будь осторожен со своими желаниями».

«Хранитель Гор сказал мне, что Листопад хранится в сердце долин, и более ничего», — услышав эти слова, Медное Крыло задумался.

На следующий день он собрал тех котов, что наиболее столько переносили жару, и отправился с ними в путешествие по знакомой горной долине. Они обошли её всю, целиком и до самого края, и совсем было отчаялись, как вдруг оберегатель увидел среди травы маленький порывевший листочек.

Подошёл он поближе, подцепил листик когтями, а тот вдруг рассыпался на пылинки, и эту пыль горный ветер разнёс по всей территории клана.

На следующий день вновь дохнуло морозом, и пошёл дождь, оросивший травы, и всё, от мала до велика, радовались этому дождю. Радовался и Сказитель, который понял, как важен каждый сезон, и Хранитель, наблюдавший за ним.

«Сказ о снежном великане»

Вы, конечно, слышали о Медном Крыле — медно-рыжем оберегателе огромного роста и не менее большого сердца. Он однажды вернул пропавший листопад в горы, и пошла жизнь снова своим чередом — сезоны сменяли друг друга столь ровно, как сменяли друг друга рассветы и закаты каждый день.

Когда все листья с деревьев опали, в клан пришла пора Замёрзшей Воды — бурные течения льдом сковало, и лишь изредка собирались коты возле водоёмов, ища полыньи и рыбака возле них, споря, кто поймает самого крупного осетра.

Несмотря на холод и поредевшую гичь, рад был Медное Крыло этой мёрзлой поре. Любил он рассматривать снежинки, падавшие ему на могучие лапы, вдыхать свежий морозный воздух да детей веселить, лепя с ними снежных мышат и котят.

Да только холодно ему одному было — так уж вышло, что рано остался он сиротой: и мать, и отец в непреступных горах сгинули. Он большой, у него шерсть густая, под ней тепло должно быть — а стук родного сердца всегда греет лучше; вот и грустил он ночами, выдыхая, как зверь, влажный пар.

Сезон в тот раз обещал быть тихим: гичи было не много, но и не мало, ветра были сильными, но не очень. Только как не бывает худа без добра, так не бывает и добра без худа — вдруг стражи тревожные вести приносить стали: всё чаще, всё громче становились странные вздохи, да такие, что, казалось, сами горы фырчат, сотрясая землю.

Сказитель Жизни, конечно, сразу забеспокоился — повелел он старшему стражу собирать больше обходов, больше дозоров; остальным строго-настрого наказали держать ухо востро. Он думал, что зверь где-то притаился, а большие звери всегда горести за собой несут.

Но шли дни, шли ночи, а враг всё не объявлялся, только шум становился всё сильнее и сильнее. Стали искатели рыскать в поисках звука, да ничего не нашли.

В один день Сказитель приказал всем из пещеры более носу не высовывать без надобности — мало ли что произойти может. Вдруг объявится пума или барс страшных размеров, а того и ещё хуже, чтобы забрать с собой как можно больше?

После того пару дней затишье было, а потом вдруг снежный вихрь в пещеру задул, да так, что не видел никто далее своих усов! Медное Крыло до того спал, а как услышал вой, проснулся, кинулся сразу же на ощупь в детскую, чтобы котят не смело, и вовремя подоспел.

Показались из снежного вихря глаза голубые, огромные, пронзительные, и сгустились белоснежные мушки, подбираясь всё ближе к испуганным детям, словно забрать их хотело.

— О чудище снежное, — воскликнул наш воин, перекрикивая шум метели, — не трогай наших котят, возьми меня вместо них!

Раздался шум оглушительный — вздохнуло чудовище, засопело.

— Так и быть, — сказала оно, и сомкнулись на шее Медного Крыла ледяные челюсти. Он закрыл глаза, а как очнулся — оказался в месте незнакомом.

Пещера вся была из льда, но холодно в ней отчего-то не было — а может, просто шкура у оберегателя была пушистая да густая. Открыл он глаза, осмотрелся — стены были гладкими, а свет приглушённым, и блики были совсем-совсем слабыми. Поднявшись на лапы, пошёл он по туннелю, осматриваясь, и думал: «Что это чудная пещера? Как далеко от моего дома?»

Вдруг раздался позади голос, как птичья мелодия:

— Давно у нас не было гостей.

Обернулся Медное Крыло и увидел — стоит за ним кошка небесной красоты: шёрстка гладкая, ухоженная, красно-рыжая, как рябина зимой, а глаза — два печальных изумруда.

— Кто ты? — спросил он, поворачиваясь к незнакомке.

— Пленница своего господина, — потупила она взгляд. Неизвестно было слово такое клановому коту, но он сообразительный был, быстро догадался.

— У... снежного чудища? Он тоже тебя вихрем унёс?

— Когда-то давно... или нет? Уж не вспомню, время здесь чужим кажется, — одарила его кошка улыбкой печальной. — Я тогда совсем крохой была... оторвал он меня от семьи моей, забрал с собой, говорит, что теперь служить я ему буду, прошлые слуги сбежать хотели, да не выдержали вечных морозов снаружи. А я не смею сбежать — догонит...

— Ужель ты в племенах жила?

— Нет, — покачала головой незнакомка. — Дальше от них, слышана только. Моя семья в одиночку жила. А звать меня Земляницей.

В ответ ей — кивок.

— Меня зовут Медное Крыло Огромной Чудесной Птицы. Так зовут меня на родине моей, в неприступных горах. А ежель коротко — Медное Крыло.

Земляница улыбнулась ему, и что-то затрепетало в сердце воина, и отвёл он взгляд, неожиданно смутившись. Незнакомо ему было это чувство, приятное и в то же время пугающее хуже чудища. Лишь он подумал об этом, так вмиг посерьёзnel.

— Не можно нам тут оставаться. Ждут меня дома, да и тебе молодость провести в заточении худо.

— Не отпустят меня, — покачала она головой. — До прихода твоего я чудищу единственная служанка была. Еду ему носила — по семь тушек на рассвете и по восемь на закате, к питью водила — целые реки выпивает, подстилку меняла — самые нежные перья. Теперь двое нас — и тебя оно не пустит теперь.

— Неужели сбежать не получится? — Медное Крыло взмахнул хвостом да грудь колесом выпятил. — Уж я-то придумаю, как улизнуть. Даю тебе честное слово. А мы, горцы, слова на ветер не бросаем.

Земляница только улыбнулась ему да ушла, хвостом его поманив за собой — была пора трапезу готовить.

Так день за днём служили они великану снежному, бок о бок: тот днями ходил, навевал пургу, спускал лавины, а по вечерам возвращался домой да смотрел, чтобы всё по его условиям было. Коли что-то не так — дул он на них шквалом морозным, да так, что шкура в сосульку превращалась, не таяла несколько дней, ходить мешала.

Но Медное Крыло всю свою смекалку на помощь призвал, стал наблюдать, когда чудовище устаёт, как чутко спит, где в пещере ходы, и вот однажды набрёл он на место, где лёд тоньше всего был.

— Погляди, Земляника, — постучал он лапой по полу, послушал глухие звуки. — Кажется, вот оно, наше спасение. Найти бы только, чем разломать лёд...

— Да чем же мы разобьём? Ничего здесь нет, только перья да мох сухой, все кости господин с мясом съедает.

— Скажи, а есть ли у него когти да клыки?

— Есть и клыки, и когти, но ты, право, спятил! — у Земляники тотчас глаза округлились как две луны. — Погибнешь!

— Не могу я иначе, — молвил наш воин. — Меня дома ждут, да и тебя наверняка хватились давно.

И вот, когда заснуло чудовище очередной раз, подошёл он поближе, разглядывая когти ледяные. Подошёл, присмотрелся, да как вцепился в основание их! Дыхание тёплое растопило его, и отломился гигантский коготь, да только великан проснулся, и гром раздался в пещере — зарычал он, как дикий зверь.

— Да как смеешь ты, — пророкотал он, — тревожить мой сон и когти мои ломать!

— Отчего же и ты котят у матерей ворует? — крикнул в ответ Медное Крыло да рванул к проходу, ударил по нему со всей силы — треснул коготь, раскололся, но и тайник открыл. Хотел он было ринуться вниз, да заметил, что Земляника не успела дойти — чудовище её почти схватило страшными челюстями.

— Бросай меня и беги, я останусь, так хоть ты спасёшься!

Что-то сжалось внутри оберегателя, и отскочил он от прохода, ринулся к подруге, схватил за загривок и понёс за собой. Смертельный холод на хвост ему наступал, почти понёс за собой, но он шустрее был, и ринулись они вместе на свободу желанную.

На мгновение ослепила их темнота. Зажмурился Медное Крыло, а когда очнулся — был на поляне снежной, до боли знакомой.

— Дубовый лес, — он выдохнул шумно да на Землянику поглядел. Она была цела, невредима, и на нём ни одной царапины не было.

— Где твоя семья ходит? Пойдём, я тебя к ним провожу, — нелегко это было говорить. Привязался он к Землянику, не хотел отпускать, но совестно было не отпускать её к родным.

— Куда там, — глаза у кошки заблестели от печали. — Родня моя ни дня на месте не стоит, не найти её никак. Слишком далеко...

— Тогда пойдём со мной в горы. Они суровы, да гостеприимны; я тебя врачевателю покажу, он тебя примет.

И пошли они вместе по тропам старым да новым, и под лапами их таял снег, предвещая пору Безущей Воды. По пути рассказал Медное Крыло обо всём, чем клан живёт, и как только переступили они порог, сгрудились горцы вокруг них, загалдев, как птичья стая.

Не ожидали они оберегателя живым увидеть, спрашивать стали, где он был, только он лишь головой качал: мол, не сейчас, грузья мои, обо всём поведаю после.

Сказитель Жизни тоже радовался возвращению, и Землянику он принял радушно. Стала она оберегательницей, как и друг её верный, и зваться она стала Душистая Земляника, Покрытая Серебряным Инеем.

Сказки Цветоланки (133219)

«Музыка весны»

Сезон Юных Листьев недаром называют порой перерождения. Стоит холоду отступить как животные и растения сразу просыпаются из спячки и начинают буйствовать.

Первая трава уже проклёвывается сквозь не растаявший слой тонкого снега, на деревьях распускаются почки почти что за день, а мелкие звери снуют туда-сюда с такой резвостью, будто всю жизнь провели в своих укромных норках и никогда света солнца не видели.

Но есть некоторые исключения. Довелось мне однажды с друзьями выкопать где-то на поляне жука. Страшного такого, он не был похож ни на одного другого жука, что я когда-либо видела. Выглядел он скорее как сверчок, но без длинных ног и с громадными красными глазами.

На вкус, что удивительно, он был неплох, несмотря на то, что меня отговаривали пробовать его. Вслед за этим мы смогли выкопать ещё

одного. И ещё одного... Вся поляна была усеяна такими глазастиками, будто они были семенами растений а не насекомыми.

Жили эти жуки в маленьких норках в земле, и совершенно из них не вылазили. Помню из интереса решила проследить за ними, за весь день ни один не показал своей головы на поверхности. Эти жуки настолько странные, что проспали всю весну.

Я возвращалась к тому месту на протяжении всего сезона, и ни разу не видела, чтобы хоть один отдыхал где-нибудь на листке. Всё сидели и сидели у себя в подземном домике. И никто мне должного ответа дать не мог, что это за существа такие.

Но однажды мне приснилось, словно каждый из этих жуков вырос в гигантские деревья. Деревья такие высокие, что закрывали собой небо. А от этих деревьев исходила музыка. Музыка не похожая на стрёкот сверчков, на которых они равняются, а настоящая мелодия.

Старшие рассказали, что подобные жуки просыпаются только в пору самых тёплых Юных Листьев. А вместе с ними начинается настоящее представление. Один из старцев рассказал, как в детстве ему довелось увидеть пробуждение маленьких певцов.

Маленькие жуки обрели крылья и взлетели в небо, разнося по окрестностям музыку, а за ними просыпалась и вся природа.

В тот день все деревья расцвели так пышно, что земля была усыпана цветами ещё долгое время, животные маршировали вслед за мелодией к широким зелёным лугам, а ночное небо под конец представления засияло так ярко, что было видно тысячи звёзд.

Эти маленькие жуки смогли разбудить не только друг друга, но и всё живое. Говорят, такая пора случается всего раз в жизни. Возможно когда-нибудь и я это увижу, настоящий праздник перерождения.

«Золотое море»

Эта история — чистая правда.

Довелось мне однажды поболтать с бродягой, который рассказал мне эту занятную историю. Когда-то он путешествовал вместе с большой группой, где-то котов одиннадцать, тринадцать, столько было необходимо ради общей безопасности во время странствия.

Бывали они во многих местах, везде были свои препятствия, однако для них это было не проблемой, учитывая что каждый уже долгое время путешествовал и отлично знал как за себя постоять.

Но лишь одно место вселяло в них настолько глубокий, первобытный ужас, что заставило после произошедшего бросить скитания в страхе вновь на него наткнуться. И это место они называют золотым морем.

На территориях отдалённых, но подвластных Двуногим, можно иногда встретить просто завораживающего вида поля с золотой травой.

Такие места обычно крайне изобилуют разной дичью, от мышей до кроликов и даже некоторыми птицами, а высокая густая трава помогает спрятаться от хищников. Настоящий рай посреди степей и пустошей. Было это в конце сезона зелёных деревьев, совсем скоро начался бы листопад, а погода вышла особо жаркой.

Тогда их группа была сильно изнурена долгой дорогой и наткнуться на такое место было самым настоящим благословением. Двуногие не были особой проблемой, большинство появлялось только на определённых участках полей, которые были значительно дальше лагеря бродяг, остальные разве что вблизи троп ведущих в их немногочисленные гнёзда.

С его слов: "Такая богатая территория, и совсем никем не занятая, казалась невероятно ценной находкой. Мои друзья даже думали остаться здесь чуть подольше, чтобы вдоволь насладиться золотыми просторами. И, могу признать, я сам уговаривал себя остаться на ещё одну ночь чтобы посмотреть на эти поля, их блеск особенно во время заката захватывает дух."

Единственной проблемой были коршуны, которые могли бы с лёгкостью утащить одинокого кота. Благо высокая трава и численность их группы отлично помогало отпугнуть хищных птиц. Конкурировать за пищу тоже особо не приходилось, коршуны на удивление не проявляли сильного интереса к добыче, зная что коты в окрестностях.

Однако их присутствие правда настораживало. Некоторые бродяги отмечали, что коршуны пристально следили за их группой, не смея нападать. Боялись и ждали, когда коты уйдут? Их постоянное присутствие вынудило образовать собственные ночные дозоры на случай, если те планировали напасть ночью. Но каждый раз никто не появлялся. А птицы продолжали следить.

Пребывание у золотого моря близилось к концу, и бродяги стали замечать, что Двуногие стали разжигать костры. О возможности пожара

группа не волновалась, ведь уже не раз подмечали подобное поведение в других местах, Двуногие бы просто не позволили огню уничтожить всё.

Причины они не знали, но на то они и Двуногие, их действия не поддаются логике. В тот день погода выдалась сухой, солнце освещало поля не золотистым светом, а каким-то тусклым жёлтым. Уже подготовившись к дороге группа заметила, что коршуны пропали. "Мы уже думали они наконец-то успокоились.

Раньше около пяти всегда сидело на дереве неподалёку, а тогда их будто и не было." Только по пути из полей они заметили одного, что кружил над их головой. Долго кружил, кажется выслеживая.

Тогда бродяги решили держаться ближе друг к другу, на случай если он спикирует, но они не знали, что это примерно то, чего коршун и добивался.

Несколько напряжённых мгновений спустя, и на голову одному из бродяг прилетает веточка. Кот с визгом подскочил, но не от неожиданности. Ветка была в огне. Паника от возможного пожара быстро настигла группу, каждый судорожно старался закопать факел и горящую от его падения траву рядом.

Запах дыма внезапно стал усиливаться, и только тогда группа заметила, что коршунов стало в разы больше, а поле то тут то там вспыхивало от падающих в её сердце горящих веток и углей. Страх накатил волной, отчего группа тут же ринулась искать выход из поля.

Стоило им повернуть в одну сторону - как перед их лапами вспыхивал очередной костёр. Золотое поле превратилось в море огня с редкими островками спокойствия, которые коршуны в быстром темпе заполняли факелами. Помимо их группы в траве стала паниковать вся дичь, иногда даже врезаясь в ищущих выход котов.

Во всём хаосе их группа разделилась, часть и вовсе побежала в одиночку. И тут то они поняли, с какой целью это было устроено.

Бродяги раз за разом смотрели, как выбежавшие на открытую местность собратья и звери были тут же утащены в небо коршунами. Если долго оставаться в траве - погибнешь от огня, если же сбежать — тебя настигнет хищник.

Надежда умирала, как и попавшие в эту огненную ловушку животные. Из всей группы выжило лишь четверо, и то с серьёзными травмами и лишь чудом.

"Я уже успел распрощаться со своей жизнью. Столько хороших котов погибло, мне было невероятно страшно. Моя шкура болела от ожогов, а эти крылатые твари продолжали следить и ждать, когда мы сядимся. Именно тогда кто-то из оставшихся вдруг крикнул "Сюда! Река!"

Это было нашим единственным шансом на спасение, и мы без задних мысли вылетели из поля, молясь, что не почувствуем укол от когтей коршуна. Буквально упав в реку мы постарались нырнуть как можно глубже и спуститься вниз по реке. Не все смогли, двоих точно либо утопило течение, либо на поверхности настигли птицы."

После того происшествия ещё долгое время горел пожар. Коршуны не успокоились, принося факела за холмы дальше золотого моря, и устраивая пир на пепелищах. Оставшимся бродягам удалось оторваться только из-за того, что они скрылись в территории Двуногих.

С тех пор они судорожно оглядываются каждый раз, когда смеют вступить в высокую траву. Ведь где-то в кронах деревьев могут ждать птицы, покорившие пламя.

«Отражение души»

Иногда коты, что путешествуют вдоль ручьёв в горных хребтах, таинственным образом пропадают. И некоторые считают, что это дело рук духа, что заточили в отражении воды.

По легенде, много лун тому назад, в Горном клане жила кошка, чья красота не сравнилась бы ни с чьей-либо другой. Её внешность была столь таинственно завораживающей, словно буйство красок заходящего солнца, моря цветущих маков или блеска гальки под лунным светом. Её шерсть была белоснежной и развивалась подобно ветру, в глазах сияли настоящие сапфиры, а голос был сродни пению. Её красота очаровывала даже самых упрямых, а взгляд успокаивал сердца тех, на кого он падал. За свою красоту, кошку называли Великолепием Водной Глади. Хоть она и была красива внешне, её душа была похожа на вязкую тину. Кошка наслаждалась вниманием соклановцев, с каждым восторженным вздохом становясь всё горделивее и громче, разнося песнь о своём величии за пределы горных хребтов.

Однажды в клан пожаловала путница из леса. Её шерсть не переливалась как перламутр под лучами солнца, в глазах не блестел огонь азарта и хитрости, но её душа и намерения были настолько чистыми, что располагали к себе котов и кошек не сладкими речами, а поступками. И стали коты говорить, что путница прекраснее Великолепия, ведь её красота настоящая. Однако прознала та, что в клане появилась

конкурентка, и решила убедиться, правда ли она настолько прекрасна, что затмевает её сияние. Она была шокирована, увидев восторженные взгляды соклановцев, что окружили молодую кошку со всех сторон. Те слушали с благоговением её истории и следили за её шагами, игнорируя присутствие главной красавицы клана. Стала Великолеpie петь о чудесах, что ей подвластны, но кошки и коты обходили её стороной, усаживаясь поближе к гостье, дабы услышать рассказы о далёких краях и их обитателей. Стало ревностно белоснежной кошке, ведь внимание это то, чем она жила, и отдавать его какой-то бродяге не собиралась. Великолеpie везде ходила по пятам за путницей, с каждым разом начиная петь всё громче и громче, надеясь заглушить тихое воркование молодой конкурентки. Она не ела и не пила, продолжая петь и петь, со временем её шерсть стала тускнеть, глаза блекнуть, лапы исхудали, а голос превратился в жалобный хрип, но соклановцы всё так же не обращали на неё внимания. Совсем обезумев от зависти, Великолеpie придумала план, как выгнать молодую кошку из гор.

Одной ночью, она позвала путницу сходить с ней к горному ручью. Великолеpie кланялась и просила прощения за свою бестактность, надеясь, что молодая кошка её послушает. Добрая сердцем путница и правда простила её, не замечая злобных искр в серых как галька глазах кошки, и вместе они скрылись среди высокой травы полыни. У ручья Великолеpie предложила молодой кошке присесть, начиная петь историю своей жизни. Она пела о своём детстве, когда была ещё крохотным комочком и радовалась мягкому урчанию кормильцев рядом, о своей юности, когда её первая дичь стала праздником для всего клана, о том, как сами звёзды танцевали в день, когда она стала полноправной охотницей. Путница лишь молча слушала. Великолеpie стала петь о том, как пришла она, что украла внимание клана, как коты видели в ней лишь призрак бывшего величия. От неё отвернулись все, больше никто её не греет, никто её не кормит и не лечит, она осталась совсем одинока в этом мире. Путница лишь мягко кивнула в ответ на её рассказ и начала свою песнь. Она рассказала о том, как её мать грела свою единственную дочь в самую холодную пору, о том, как она делила кости с тушки мыши со своими родными, и о том, какой блеск в глазах её матери был, когда она укрывала её своей шкурой от сурового ветра. Её история была полна сострадания и надежды, и Великолеpie поняла, что путница действительно чиста душой, а значит прекраснее неё самой.

— Твоя история и вправду печальна, а поступки эгоистичны. Но я прощаю тебя, охотница, ведь в тебе есть красота, и я вижу её, — ответила путница, опускаясь к воде. Великолеpie глубоко вздохнула, подняв глаза к звёздам.

— Я знаю. Да простят меня духи за мои поступки.

В тот же момент Великолеpie схватила путницу за шкуру и сбросила её в горный ручей. Громкий плеск воды заглушил пение молодой кошки, а поток

полностью поглотил её. Великолепие надеялась, что кошка её поймёт, ей казалось, что её судьба заслуживает счастливого конца. Возможно духи обратили на неё внимание, или же сама путница успокоила воды, но горный поток остановился, превратившись в зеркальную гладь. Взвизгнула Великолепие, увидев собственное отражение в воде, что теперь напоминало не прекрасную кошку, а страшное чудовище. В отчаянии кошка бросилась в поток, надеясь найти там путницу и вернуть себе старое обличье, но оказалась запертой в кристально чистой воде. И лишь её печальное завывание разнеслось по горам, пока не стихло к утру.

С тех пор дух кошки бродит вдоль ручьёв, оплакивая свою судьбу. Путники, спускавшиеся вдоль горного потока, рассказывали о том, что слышали чей-то отдалённый плач, но найти его источник не могли. По поверьям, гордецы, что долго всматриваются в своё отражение в спокойных водах гор, рискуют быть утащенными под воду неупокоившимся духом, желающим быть единственным прекрасным отражением в водоёме. А путница превратилась в мерцающую дымку, что иногда ложится на водной глади и словно предупреждает об опасности, что в ней таится.

Сказки Певчей Сойки (143054)

«Украденная весна»

Многие привыкли считать территорию Горного клана серой и неприветливой. Котам, не родившимся среди гор, трудно вообразить, что среди столь суровых условий не хуже прочих уголков природа приветливо распускается в преддверии сезона Юных Листьев.

Старшие члены клана знали об этом и трепетно рассказывали своим котяткам о буйстве красок распустившихся цветов и о дивном аромате в Долине, который наступит вместе с теплом, о редких пчёлках-трудягах, перелетающих с растения на растение.

Впечатлительные дети восхищённо разевали рты, рисуя в своём воображении описанные картины. Всё, что знали они — ворчание следопытов и стражей, от которых пахло морозом, о холоде, а сами они приносили на лапах комья снега.

В представлении котят по-другому и не бывало.

Всё чаще в голосах взрослых стала звучать надежда на потепление, старики высовывали свои ворчливые морды наружу, стремясь найти более

пригретый камень. Но тепло всё не желало и не желало приходить в их обитель, а котята растерянно крутили головами: где же обещанное тепло? Где цветы?

— Кто-то похитил наш сезон Юных Листьев! — заявила однажды одна бойкая малышка, обводя пылающим взором голубых глаз своих товарищей. — Мы должны непременно найти его и вернуть!

Но она не встретила оживлённой поддержки — котята скептически отнеслись к идее мало того, что нарушать правило о выходе из безопасной пещеры, так ещё и идти в непонятную даль за потерянным сезоном. Лучше уж подождать, отогреваясь у боков кормилиц!

Кошечка не желала так просто мириться и сидеть без дела, но действовать одна не решалась даже она. Всё же для такого дела нужно было надёжное плечо, бесстрашный друг, разделяющий её стремление вернуть всем тепло как можно скорее... ну или, по крайней мере, не такой пугливый и осторожный, как все другие.

Сойка-Пересмешница, зачинщица, оглянулась на сидевшего позади Ворона. Несмотря на устрашающее имя большой чёрной птицы, котёнок мало походил на своего тёзку, но именно сейчас только он преданно взирал на подругу.

Так они и отправились вдвоём: ускользнули из пещеры мимо стражей, а было выкатившись из уютной пещеры, едва не завизжали от восторга — таким огромным был мир!

Конечно, их лапы мёрзли, они шли по наитию, а над головами раздавался звонкий орлиный клёкот, но Сойка-Пересмешница не знала сомнений. Даже если после такой дерзкой вылазки её навсегда оставят в Детской, видит Хранитель, она вернёт соклановцам заслуженную оттепель!

По плану Сойки котята должны были сорвать цветок из самого сердца Долины, а потом залезть вместе с ним на самую Зубчатую скалу. К тому моменту, как она показалась впереди, котята уже были порядком уставшие и держали пожухлые соцветия из последних сил дрожащими челюстями.

В какой-то момент восхождения котятам показалось, что сам Хранитель Гор пришёл на помощь своим детям-путешественникам, иначе как объяснить, что котята всё же достигли своей цели в том, чтобы возложить цветы на самый верх скалы, ощутив прилив сил и инстинктивное знание, куда правильнее ставить лапки?

И ровно в тот момент, когда цветы коснулись сурового камня, солнце наконец вышло из-за туч, согревая камни, да так, что уже скоро по горным склонам весело застучала капель и побежали ручейки.

Конечно, беглецов быстро поймали и вернули в пещеру под строгим взглядом Сказителя, но их радость и ощущение гордости от того, что Горные коты наконец насладятся тёплыми деньками, помогла им достойно встретить наказание.

Много лун прошло с тех пор, котята, принёсшие клану весну, уж давно выросли, а всё им напоминают про эту историю, когда они, давно уж воспитатели и наставники, поучают младших не выходить за пределы пещеры.

Сказки Белки-Летяги (104783)

«Весенняя Полынветер»

Лес оживал. С каждым рассветом запах сырой земли становился гуще, почки на деревьях набухали, а первые цветы робко пробивались сквозь прошлогоднюю листву.

Весна пришла в племя Вихря — лёгкая, тёплая и обещающая перемены. Молодая ученица по имени Полынница стояла у края оврага, где ветер особенно сильно трепал шерсть.

Она впервые чувствовала весну не как котёнок, а как будущая воительница. Всё вокруг казалось новым — даже знакомые тропы и голоса. Но в её душе было сомнение. Совсем скоро Полынницу должны были назвать воительницей, и всё племя верило в неё. Все — кроме неё самой.

— Думаешь, весна всегда знает, когда ей приходить? — вдруг прозвучал голос. Это был её наставник, Быстрогрив. Он подошёл и сел рядом, глядя вниз, на покрытое зеленью поле.

— Она просто приходит. И всё расцветает.

— А если я не готова расцвести? — тихо спросила Полынница.

— Тогда подожди ещё немного. Весна не торопит. Но она всегда верит, что ты сможешь.

Прошло два заката. В день церемонии всё племя собралось под небом, которое было ясным и прозрачным, как капля росы.

— Сегодня Полынница заслужила своё имя, — сказал предводитель. — Отныне она — Полынветер, воительница племени Вихря.

Когда её голос слился с голосами соплеменников, в её груди наконец-то расцвела тишина. Чистая и сильная. Как весна.

Прошла луна с тех пор, как Полынветер стала воительницей. Весна окрепла: трава теперь доходила до живота, жаворонки пели с рассвета, и даже земля казалась более живой.

С каждым патрулём она чувствовала себя увереннее — лапы твёрже ступали по тропам, а голос стал крепче, особенно рядом с учениками.

Но в сердце её жила одна мысль: а что дальше?

Однажды, на закате, когда небо было цвета тёплого янтаря, она увидела у границы молодого кота из Снежного племени. Он стоял, не переступая черту, и просто смотрел на неё.

— Ты Полынветер? — спросил он.

— Да. А ты кто?

— Меня зовут Ястребиный Лист. Мы пересекались на Сборе. Ты... казалась грудой. Как будто ветер в тебе не просто зов племени, а часть тебя самой.

Она ничего не ответила. Но эти слова остались с ней.

В ту ночь она поднялась на холм над лагерем. Ветер подхватывал её шерсть, как будто звал куда-то вперёд, в неизвестное.

Она закрыла глаза и позволила себе на мгновение представить: что, если её путь — это не просто служение племени, а нечто большее? Что, если она могла бы изменить мир, как ветер меняет весну?

Она улыбнулась. Не всему нужно быть ясным сразу. Весна ведь не всегда даёт ответы — иногда она просто шепчет: иди дальше.

Прошло несколько закатов с той встречи на границе, но Полынветер никак не могла забыть Ястребиного Листа. Не то чтобы она думала о нём постоянно — просто иногда, когда ветер обдувал её щёки, казалось, что он говорит с ней его голосом.

И вот снова — граница. Она патрулировала с напарником, но на обратном пути попросила вернуться одна, мол, хочет проверить метки. И пошла... к тому самому месту. Он уже ждал.

— Ты снова здесь, — сказал он, не приближаясь. — Я надеялся.

Полынветер не знала, что сказать. Слова застряли где-то в горле, как колючки.

— Это неправильно, — наконец прошептала она.

— Может быть, — ответил он. — Но разве звёзды не сияют для всех? И разве ветер можно удержать?

Они встречались ещё несколько раз. Короткие мгновения — шёпоты, взгляды, редкие прикосновения носами. Весна сменялась летом, но между ними оставалось это тёплое, хрупкое чувство — как роса на лепестке.

Однажды, когда они встретились в чаще, Ястребиный Лист принёс ей маленький цветок. Полевой, почти невзрачный, но пахнувший солнцем и пылью.

— Он выжил среди камней. Как, кажется, и мы.

Полынветер взяла цветок и спрятала за ухом. Ветер подул, и казалось, что лес затаил дыхание.

Полынветер всё чаще просыпалась до рассвета. Её сердце билось слишком громко, как будто само пыталось что-то сказать — что-то важное, пугающее.

Любовь к Ястребиному Листу больше не пряталась между веточек и тайных встреч. Она стала ветром в груди — тем, от которого не укрыться. Но племя Вихря — её семья. Её жизнь. Всё изменилось на одной из Сборов.

Вскоре после приветствия, когда племена уже начали перешёптываться, воитель Снежного Племени поднялся и сказал:

— Один из наших воителей сообщил, что в племени Вихря есть те, кто нарушает границы. Кто предаёт воинский закон. Шепот превратился в гул. Полынветер почувствовала, как её лапы будто примерзли к земле.

— Это ложь! — резко выкрикнул Ястребиный Лист, выходя вперёд. — Это не предательство. Это выбор сердца.

Племя Вихря ахнуло. Снежное Племя застыло. Все смотрели теперь только на неё.

— Полыветер, — проговорил предводитель её племени. — Это правда?

Мир сузился до её дыхания. До шума листвы. До глаз Ястребиного Листа, полных ожидания.

Она смотрела на своих соплеменников — Быстрогрива, с которым прошла столько тренировок, старейшин, котят, которые когда-то подражали ей...

— Да, — сказала она. — Я люблю его. Но я — часть племени Вихря. И всегда ею останусь.

Слова слетели с губ, как пыльца с цветка — мягко, но навсегда.

Ястребиный Лист не опустил взгляда. Он лишь кивнул, будто принимая это, как принял бы весну — которая уходит, чтобы вернуться снова.

После Сбора они встретились в последний раз. Без слов. Только касание носами — обещание, что сердца могут жить в разных племенах... но помнить друг друга сквозь времена.

Прошло две луны с той Сборки. Полыветер жила как воительница — выполняла патрули, тренировала учеников, держала голову высоко. Но по ночам она всё ещё чувствовала, как ветер приносит ей запах заснеженных сосен... и ту боль, которую не унесли даже звёзды.

Она старалась забыть. Но любовь — не рана. Это что-то живое. Оно не уходит. Оно ждёт. И вот, в один туманный рассвет, когда лагерь ещё спал, на вершине оврага появилась тень. Это был он. Ястребиный Лист. Он стоял уверенно, но глаза у него были полны тревоги.

— Ты не должна выходить, — прошептала она, подойдя ближе. — Если кто-то тебя увидит...

— Я пришёл не как грозовой воин. Я пришёл, чтобы остаться. Он замер.

— Я поговорил с моим предводителем. Он не стал меня удерживать. Он сказал: если твой путь — среди трав и ветра, иди.

Полыветер не могла поверить. Её сердце сначала застыло, потом — вспыхнуло.

— Ты... уверен?

— Мой дом там, где ты, — тихо сказал он.

Процедура перехода была сложной. Совет племени Вихря обсуждал это долго. Но Ястребиный Лист доказал всё сам — он спас котёнка из разлившейся реки, поймал гичь, поделился травами, которые знал из Снежного Племени.

Он стал частью их жизни — не как чужак, а как тот, кто нашёл свой путь.

И в один особенный вечер, под нежным закатным светом, они сидели вместе у вершины холма. Ветер трепал их шёрстку, но теперь он был не разделяющим, а объединяющим.

— Мы успели к весне, — сказала она, уткнувшись в его шею.

— А может, весна просто ждала нас.

И лес, казалось, улыбнулся им — потому что даже среди воинских кодексов, даже среди границ, любовь всё же находит путь.

«Осенний ветер»

Пушинка была рыжеватой кошкой с янтарными глазами. Её шерсть переливалась оттенками осенних листьев, и многие в племени шептались: будто сама Листвяная Пора подарила её им, чтобы она принесла перемены.

Но с красотой осени всегда приходит холод — и судьба Пушинки оказалась нелёгкой.

Сны мучили Пушинку. Ей снились вороны, заслоняющие небо, и лес, накрытый чёрным туманом. И каждый раз голос, звучавший будто из самой земли, говорил:

“Ты должна стать ветром, иначе тьма накроет всех.”

Она делилась снами с целительницей, но та только качала головой:
— Звёздное племя редко выбирает слишком молодых. Будь осторожна, Пушинка.

Но осторожность никогда не была её сильной стороной.

С каждым днём гичи становилось всё меньше. Лапы котят худели, старики всё чаще смотрели на Пушинку пустыми глазами. Она не могла выносить это молча.

А на границах чувствовался чужой запах — изгнанники. Они крали добычу, прятали её в тайниках, а племя теряло последние силы.

Собрание воинов длилось всю ночь. Одни предлагали атаковать, другие боялись, что племя слишком слабо. Лидер сказал:

— Мы должны ждать. Осень ещё долгая, зима ещё впереди.

Но Пушинка знала: ждать — значит обречь котят на голод.

На рассвете она ушла одна, никому не сказав. Её шаги тонули в мокрой листве, а сердце билось как у охотницы, идущей за дичью, только дичью были чужаки.

Она шла днями и ночами, пока не вышла к скалам за рекой. Там и скрывался лагерь изгнанников.

Увиденное поразило её: чужаков было больше, чем говорили. Их лагерь был полон, а тайники ломились от украденной дичи. В открытую схватку племя бы не выдержало.

Пушинка знала: силы не равны. Но у неё был ум и отвага.

Она разорвала тайники с добычей, уводя её запахом в сторону соседнего клана. Оставила следы лап, словно там прошёл целый патруль. И дождалась рассвета.

Когда чужаки обнаружили пропажу, они взвыли от ярости. И ринулись прямо к границе. Соседи приняли это за вторжение — и вспыхнула битва. В пламени схватки изгнанники были смяты.

А Пушинка стояла в тени деревьев и смотрела. Ветер рвал её шерсть, шепча:

«Ты — осенний ветер. Ты принесла бурю.»

В лагерь она вернулась израненной, с клочьями шерсти и кровью на лапах, но с добычей, которую удалось спасти. Её встретили как героиню. Лидер произнёс:

— Благодаря Пушинке, мы переживём эту осень.

Но только она знала, какой ценой досталась эта победа. Теперь племя имело врагов в соседях, и тень вины не давала ей покоя.

Осенью, когда ветер свищет в ветвях и гонит листву по тропам, котята слушают историю о рыжей кошке, что стала ветром.

Огни называют её спасительницей. Другие — хитрой и опасной.
А самые мудрые шепчут:

«Осень всегда несёт перемены. И ветер Пушинки будет дуть над лесом ещё много лун.»

Сказки Резон (51231)

«Незнакомки Туманных Гор»

Осеннее солнце едва пробивалось сквозь плотную пелену тумана, окутывающего склоны Горного Клана. Камни, обычно острые и четкие, казались размытыми призраками. Внутри клана шептались легенды о Туманных Охотниках – загадочных кошках, чьи силуэты мелькали в самые густые туманы, охраняя горы от невидимых угроз.

Голосистый Жаворонок, Звонящий В Небе – молодой страж, чья храбрость звенела в голосе, а любопытство тянуло за границы известного. Он слышал рассказы старейшин о Туманных Охотниках с самого детства.

Сегодня, в этот день плотного, непроницаемого тумана, он решил узнать правду. Спросив разрешения у врачевательницы, Сказительницы Дождей, Голосистый Жаворонок отправился вглубь гор.

Туман обволакивал его, как мягкая шерсть, заглушая все звуки. Каждый камень, каждая ветка казались незнакомыми и опасными. Сердце Голосистого Жаворонка билось быстрее, смешивая страх с предвкушением.

Он всматривался в туманные клочья, пытаясь разглядеть хоть что-то, что могло бы подтвердить или опровергнуть легенду.

Вскоре он услышал тихий шорох. Притаившись за валуном, Голосистый Жаворонок увидел неясную тень, скользящую в тумане. Его шерсть встала дыбом.

Это был Туманный Охотник? Тень приблизилась, и Голосистый Жаворонок приготовился к бою. Но вместо свирепого воина он увидел старую кошку, с шерстью, сливающейся с туманом.

– Не бойся, юный страж, – прохрипела кошка. – Я – Прячущееся Облако За Горами, одна из старейшин клана. Я выхожу в туман, чтобы убедиться, что никто не заблудился и не нуждается в помощи.

Голосистый Жаворонок был удивлен.

– Но... Туманные Охотники... Ведь просто легенда?

– Легенды всегда приукрашивают правду. Мы, старики, помним времена, когда туман приносил много бед: заблудившихся охотников, потерявшихся котят... Мы патрулируем в туман, чтобы защитить наш клан, но мы не мифические воины, а простые коты, заботящиеся о своих.

Они провели вместе остаток дня, патрулируя горы в тумане. Облако рассказывала о горе, о ее опасностях и секретах. Голосистый Жаворонок научился распознавать обманчивую тишину и находить дорогу даже в самом густом тумане.

К вечеру, когда туман начал рассеиваться, Голосистый Жаворонок вернулся в клан. Он больше не верил в мифических Туманных Охотников.

Он понял, что настоящий защитник клана – это не загадочный образ, а каждый кот, готовый прийти на помощь. Каждый кот, кто готов встать на защиту своей семьи, своей территории, и своих идеалов. Голосистый Жаворонок, Звонящий В Небе может стать таким защитником.

С этого дня Голосистый Жаворонок стал самым бдительным стражем Горного Клана. Он учился у старейшин, оттачивал свои навыки и, главное, всегда был готов помочь своему племени, даже если для этого ему придется бродить в самом густом тумане.

И хотя он больше не верил в легенды, он знал, что дух Туманных Охотников – дух храбрости, заботы и преданности – живет в каждом коте Горного Клана.

Сказки Белоснежной Кувшинки (153212)

«Неприкаянная душа»

Когда-то, много лет назад, жили в горах первые клановые коты. Среди них была белоснежная кошка, чье имя было Одинокая Звезда, и её друг, Чёрный Ворон. О них и пойдёт в этой сказке речь.

Однажды клан опутала липкой безнадежностью беда. Коты чахли, непонятная болезнь забирала их в свои объятия. И не было от этого недуга спасения, никакие травы не помогли.

Тогда обратил свои сны Врачеватель к Хранителю Гор. И тот подсказал ему, что делать.

Вскоре собрал врачеватель всех котов, и вот что изрёк: «Хранитель Гор сказал, что два кота должны отправиться к краю гор, там найдут они волшебное дерево, чьи листья спасут наш клан!»

Сразу же вызвались наши герои — Одинокая Звезда и Чёрный Ворон.

Вскоре отправились они в долгий путь. Шли через горные хребты, прыгали по скалам, ночевали в расщелинах, пили из горных ручьёв. Наконец добрались они до края гор, к самой высокой скале. Глянули они на вершину и увидели огромное дерево!

Взобравшись на скалу, коты увидели огромного спящего орла, сидевшего на ветке. Чёрный Ворон бесшумно взобрался на дерево и набрал полную пасть листков.

Спустившись, он сказал Одинокой Звезде: «Пойдём отсюда скорее! Не нравится мне этот орёл!»

Коты радостно бросились со скалы. Из-под их лап посыпались камешки...

Орёл проснулся! Он издал пронзительный клёкот и полетел вслед за котами.

«Быстрее!» — воскликнула Одинокая Звезда! Коты понеслись, словно ветер, но огромному орлу не составило большого труда догнать путников. Тогда Чёрный Ворон за одну секунду передал листочки Одинокой Звезде с отчаянными словами: «Беги, я задержу его!»

Но кошка не могла бросить друга, она отбежала на несколько шагов, спрятала листья в трещину скалы. А потом бросилась к Чёрному Ворону, который уже бился с орлом.

Но она не успела...

Птица вцепилась когтями в спину кота и взмыла ввысь. Последним, что услышала Одинокая Звезда, был крик её друга: «Спаси наш клан!»

Роняя слёзы, кошка двинулась в сторону лагеря. Дошла она без особых приключений, орёл не полетел за ней.

И вот она подошла к врачевателю, положила листочки и молча удалилась.

С той поры, каждую осень, вместе с прохладным ветерком, несущим пожелтевшие листья, летает её неприкаянная душа. Ищет кота по имени Чёрный Ворон.